ЛУТФИ

Гуль
и
Навруз

Annotation

Лутфи занимает одно из выдающихся мест истории узбекской классической литературы. Он был одним из зачинателей и крупнейшим представителем светской литературы XIV — XV вв. По оценке Алишера Навои, Лутфи был 'царем поэзии' его времени. Литературное наследие Лутфи не дошло до нас полностью, однако те произведения поэта, что мы имеем, и сведения о нем в исторических источниках свидетельствуют о богатстве и разнообразии творчества поэта. Лутфи является автором 'Дивана' лирических стихотворений, поэмы 'Гуль и Навруз' и не дошедшего до нашего времени произведения под названием 'Зафарнамэ' — изложения стихами исторического сочинения о Тимуре Шарафутдмна Али Язди.

- Лутфи
  - Лутфи и его поэма "Гуль и Навруз"
  - Начало книги
  - Навруз влюбляется в самого себя
  - Гуль во сне отвечает Наврузу
  - Навруз на миг теряет разум
  - Навруз просит истолковать его сон
  - Навруз внимает Бульбулю, а думает о Гуль
  - Навруз узнает от Бульбуля о существовании Гуль
  - Навруз поверяет Бульбулю свою тайну
  - Навруз отправляет Бульбуля к царевне Гуль
  - Бульбуль поет о Наврузе
  - Гуль влюбляется в Навруза, услыша в его описание в песне Бульбуля
  - Бульбуль рассказывает кормилице о Наврузе
  - Савсан передает слова Бульбуля царевне и упрекает ее
  - Гуль гневается на кормилицу
  - Савсан, желая утешить Гуль, приводит к ней Бульбуля
  - Бульбуль ходатайствует за Савсан
  - Бульбуль описывает Навруза Гуль
  - Что было Снаврузом, когда он отослал Бульбуля

- Навруз уезжает, но Фаррух возвращает его
- Фаррух советуется с придворными
- Бахман уговаривает Навруза вернуться
- Навруз гневается на Бахмана
- Предательство Бахмана
- Состояние Навруза после отъезда Бахмана
- Гуль слушает песню Зухры
- Бульбуль поет Газель от имени Навруза
- Слушая песню Бульвуля, Гуль чувствует, что пришел Навруз
- Зухра поет от имени Гуль
- Навруз просит Бульбуля ответить Зухре
- Бульбуль отвечает от имени Навруза
- Гуль убедившись, что пришел Навруз, стремится к нему, Савсан пытается ее удержать
- Гуль просит позволения выйти в сад, Савсан разрешает ей взобраться на крышу
- Навруз и Гуль, увидев друг друга теряют сознание
- Бульбуль уносит Навруза в шатер
- Савсан утешает царевну
- Гуль посылает Савсан к Наврузу
- Савсан приходит к Наврузу
- Савсан передает Наврузу привет от Гуль
- Савсаи одобряет поведение Навруза
- Савсан рассказывает Гуль о Наврузе
- Приезд послов Хакана[22]
- Мушкин принимает послов
- Савсан сообщает царевне о прибытии послов хакана
- Гуль потрясена сообщением кормилицы; она посылает Бульбуля за Наврузом
- Навруз узнает о том, что Гуль отправляют к хакану
- Бульбуль призывает Навруза к Гуль
- Гуль и Навруз встречаются в комнате Савсан
- Савсан беседует с Наврузом
- Гуль, убедившись в искренности Навруза, изъясняет ему свои чувства
- Послы Хакана увозят Гуль
- Навруз присоединяется к каравану царевны

- Гуль убегает ночью с Наврузом
- Скитания Гуль и Навруза
- Ни Гуль и Навруза притомились
- Навруз и Гуль попадают в плен
- Навруз отвечает негру
- Гуль и Навруз прибывают к Хакану
- Смерть Хакана
- Навруз и Гуль бегут из Китая
- Гуль и Навруз в жилище дивов
- Навруз и Гуль вступают в келью отшельника
- Гуль и Навруз в ладье
- Ладья распадается от удара волны
- Гуль и Навруз оказываются вдали друг от друга
- Гуль на берегу Адена
- Гуль рассказывает о себе Джавхару
- Гуль горюет о Наврузе
- Гуль убивает львов
- Джавхар раньше других прибывает к султану Адена
- Джавхар описывает Гуль султану Адена
- Султан Адена встречает Гуль
- Гуль плачет в разлуке с Наврузом
- Навруз попадает к рыбаку
- Навруз учит рыбака. Как поправить свои дела
- Рыбак продает Навруза визирю Йемена
- Визирь встречается с Наврузом
- Визирь зовет царя Йемена к себе в дом
- Царь Йемена беседует с Наврузом
- Царь Йемена утешает Навруза
- Ответ Навруза
- Царь Йемена осыпает Навруза благодеяниями
- Царь Йемена посылает Навруза во главе войска на Аден
- Нарвуз отдает власть над войском Бахраму
- Гуль идет в дозор
- Бахрам в растерянности; Навруз, рассердившись, останавливает войско Йемена
- Бахрам, устыдившись, вызывает противника на единоборство
- Гуль принимает вызов Бахрама

    - Смерть Бахрама
    - Нарвуз и Гуль, сражаясь, узнают друг друга
    - Йеменский царь примиряется с царем аденским, и они с Гуль и Наврузом отправляются к Каабе
    - Что было с Мушкином, когда Гуль убежала
    - Гуль и Навруз находят в Мекке своих отцов
    - Гуль соединяют с Нарвузом
    - Четыре царя спорят о Гуль и Наврузе
    - Предложение царя Фарруха
    - Гуль и Навруз посещают четыре царства
    - Правление Навруза
    - Завершение книги
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39

Лутфи
Гуль и Навруз

Лутфи и его поэма "Гуль и Навруз"

Узбекская литература имеет богатые традиции, уходящие своими корнями в глубокую древность.

Предки узбекского народа еще в далеком прошлом создали высокую материальную и духовную культуру. Все лучшее из культурного наследия прошлого при Советской власти стало достоянием поистине широких масс народа.

Популярной стала узбекская классическая литература, особенно творчество таких ее представителей, как Лутфи, Навои, Бабур, Турды, Гулхани, Мукими, Фуркат и другие.

Лутфи занимает одно из выдающихся мест истории узбекской классической литературы. Он был одним из зачинателей и крупнейшим представителем светской литературы XIV — XV вв. По оценке Алишера Навои, Лутфи был "царем поэзии" его времени.

Литературное наследие Лутфи не дошло до нас полностью, однако те произведения поэта, что мы имеем, и сведения о нем в исторических источниках свидетельствуют о богатстве и разнообразии творчества поэта. Лутфи является автором "Дивана" лирических стихотворений, поэмы "Гуль и Навруз" и не дошедшего до нашего времени произведения под названием "Зафарнамэ" — изложения стихами исторического сочинения о Тимуре Шарафутдмна Али Язди.

Лутфи жил и творил в сложной политической обстановке развивавшегося феодализма. Чуть ли не столетняя жизнь поэта (1366/67 — 1402/63) совпала с возникновением централизованного государства Тимура (1371 — 1405) в Средней Азии и раздроблением этой империи после смерти ее основателя.

В этот период развивалась литература аристократическо-клерикальная и литература светского характера. Аристократическо-клерикальная литература служила укреплению феодального строя и

его опоры — ислама. Задачи литературы она ограничивала воспеванием феодальных монархов и догм ислама.

Историческая заслуга представителей светской литературы, в том числе и Лутфи, заключается, во-первых, в определенном повороте от религиозно-мистических тем к реальной действительности, к человеку, к его жизни и, во-вторых, в том, что они сделали многое для утверждения права узбекского языка быть языком художественной литературы.

Светская литература в идейно-художественном отношении находится в непрерывном развитии. Если начальная ступень ее характеризуется тем, что задачу провозглашения идей человеколюбия в противовес пропаганде догм ислама, аскетизма и мистики светская литература решает в рамках воспевания благ и красот земной жизни, природы, любви, вина и т. д., то на более высокой ступени развития светская литература расширяет тематику, поднимая большие общественно-политические проблемы эпохи. Творчество Лутфи характерно для этой зрелой ступени светской литературы. Своей содержательной, высокохудожественной лирикой Лутфи обогатил литературу XV в. Основу содержания лирики Лутфи составляют гуманизм и идеи свободомыслия. Гуманизм проявляется прежде всего в восхвалении человека, его любви, земных радостей.

"Гуль и Навруз", крупное лирико-эпическое произведение Лутфи, было написано в 1411 году, в период, когда он был уже признанным поэтом.

Единственный список поэмы "Гуль и Навруз" хранится в Британском музее, откуда нам представилась возможность получить фотокопию полного текста поэмы. Словарь "Абуища" (1560), где цитированы отдельные бейты из "Гуль и Навруза", дал возможность в известной мере провести текстологическую работу и создать максимально достоверный текст поэмы.

Подстрочный перевод со староузбекского на русский язык сделал известный советский востоковед М. А. Салье. С. Липкий, опытный переводчик восточных классиков, сумел передать дух оригинала и стилевые особенности поэмы "Гуль и Навруз".

Поэма "Гуль и Навруз" ознаменовала собой уже зрелый этап в истории узбекской светской литературы. Характерным для этого этапа является стремление писателей поднимать в поэзии большие

общегуманистические и социально-политические проблемы своей эпохи.

Наряду с идеей торжества верной, чистой любви, в поэме проводится важная политическая идея — необходимость создания крепкого централизованного государства. Эта необходимость была осознана и всячески поддерживалась прогрессивными силами тогдашнего феодального общества в Средней Азии и исторически оправдалась, ибо, как писал Ф. Энгельс, "...тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века"[1].

В перипетиях сюжета определяется всепобеждающая сила любви, ломающей все преграды, и мечта поэта о мире, о централизованном крепком государстве, где благоденствует народ.

В поэме есть эпизоды войны между Йеменом и Аденом. В одном из решающих боев Навруз и Гуль вышли на иоле битвы для единоборства. В разгаре сражения Гуль случайно узнает Навруза. Встреча влюбленных и невозможность их разлуки вынуждают правителей двух стран прекратить войну. Любовь, таким образом, победила войну и смерть. Правители четырех стран (Фархара, Навшада, Йемена и Адена) решили объединить свои страны и жить сообща под руководством одного правителя:

Сказал Фаррух: "Придем к согласью скоро,
Но сбросить надо нам одежду спора

Друзья, есть слово у меня одно,
Быть может, вам понравится оно.

Мы дружбу между странами упрочим,
Одну из них назначив средоточьем;

Душе отрадно в середине быть,
А не блуждать иль на чужбине быть.

Как только враждовать мы перестанем,

Единство станет нашим достояньем.

В этом отрывке и выражена идея политической централизации страны. Лутфи далее пишет: На тех словах закончился совет. С тех пор народ избавился от бед.

Поэма заканчивается восхвалением царствования Навруза. В годы политической централизации, в годы смелого и справедливого царя Навруза, страна процветает.

Тема любви в поэме разрабатывается в тесной связи с освещением таких вопросов, как человеколюбие, дружба, уважение к науке и ремеслу, мужество, героизм, уважение к женщине. Эти взгляды, мысли и чувства поэта нашли свое отражение во всей образной системе поэмы.

Центральными положительными героями поэмы являются Навруз, Гуль, Бульбуль.

В образе Навруза Лутфи пытался воплотить свои представления о справедливом правителе-просвещенном монархе. Поэт считал, что если царь будет справедлив и вокруг него соберутся просвещенные люди, то в стране, безусловно, будет мир и процветание, а народ будет жить счастливо. Таким правителем объединенного государства он и сделал Навруза, который путешествует по стране, постоянно наблюдая за жизнью народа.

Одним из главных действующих лиц поэмы является Гуль.

Лутфи жил в эпоху полного бесправия женщины.

Создавая образ Гуль, поэт мечтал о самостоятельности женщин, об участии их в общественных делах. Этим Лутфи в известной степени противопоставил господствующей идеологии и исламскому пониманию роли женщины высокий гуманистический идеал эпохи. Лутфи изображает свою героиню равноценным членом общества, передовым человеком, яркой личностью. С восхищением Лутфи описывает мужество, героизм и полководческие способности Гуль.

Гуль — романтический образ, воплотивший в себе мечту передовых людей о достойном месте женщины в общественной жизни.

В истории узбекской литературы образ Гуль стоит в одном ряду с образами Мехинбану, Ширин.Диларам и др.

Еще один яркий образ в поэме — образ Бульбуля, в котором Лутфи воплощает идею пламенной дружбы.

В поэме имеется ряд отрицательных образов — это Ялда, шейх Наджи, Бахман. Особенно характерны образы шейха Наджи и Бахмана. Во время побега из Китая уставшие, голодные Гуль и Навруз попадают в дом шейха. Лутфи рисует шейха злобным и коварным. Поэт сам был верующим, но, несмотря на это, он остро критикует шейхов, которые, приняв личину благочестия, обманывали людей. Образом Бахмана автор зло посмеялся над тупоумием и вероломством феодалов.

Все свое внимание поэт заострил на показе победы благородных светлых сил над темными.

В поэме "Гуль и Навруз", кроме действующих героев, большое место принадлежит рассказчику. В каждой главе поэмы, в каждом эпизоде чувствуется присутствие самого автора. Таким образом, романтическая поэма "Гуль и Навруз" в известной степени превращается в лирическую исповедь Лутфи.

Элементы народно-поэтического творчества в сюжете в значительной мере определили и некоторые композиционные особенности произведения. Композиция поэмы "Гуль и Навруз" последовательна и крайне проста.

С точки зрения художественной формы поэма явилась важным событием в литературе того времени. Лутфи был одним из первых узбекских поэтов, создавших поэтическое произведение с развернутым сюжетом и большим количеством действующих лиц.

До Лутфи в узбекской литературе был известен ряд произведений, таких, как, например, "Мухаббатна-мэ "Хорезми, в которых содержались любовные письма. Но эти произведения не имели сюжета.

В "Гуль и Наврузе" также встречаются любовные письма-"номачилик"; однако эта форма играет второстепенную роль. Поэма "Гуль и Навруз" отличается от традиционных "номачилик" тем, что содержит в себе все компоненты художественного произведения с последовательным и стройным сюжетом.

Таким образом, значение Лутфн, как одного из создателей жанра узбекской поэмы, очень велико.

В то время, когда писалась поэма "Гуль и Нав-руз", шла упорная борьба за утверждение узбекского языка в литературе.

Лутфи отстаивал за родным языком право быть языком литературы. Он старался раскрыть богатства узбекского языка. Как в лирических произведениях, так и в поэме "Гуль и Навруз" он обратился к общенародному языку и продемонстрировал все его огромные возможности. Лутфи практически доказал, что и на родном языке можно создавать прекрасные художественные произведения.

Поэма "Гуль и Навруз" отличается простотой, лаконизмом, яркостью и образностью языка. На поэме Лутфи сильно сказалось влияние народно-поэтического творчества. Поэт широко использует содержательные народные пословицы и образные выражения, которые помогают ярче раскрыть образ. Этим Лутфи приблизил "Гуль и Навруза" к народному творчеству не только по содержанию, но и по форме. Лутфи умело и щедро употребляет в поэме метафоры, живые сравнения, образные эпитеты, смелые гиперболы, очень близкие к приемам народной образной мысли.

Однако следует подчеркнуть, что общественные проблемы Лутфи решал так, как это было свойственно мыслителям средневековья, -наивно, утопически, идеалистически. Он возлагал свои надежды на справедливого монарха, героями избрал людей, далеких от народа. Мировоззрение автора и персонажей его поэмы содержит в себе много элементов ортодоксального ислама. Несмотря на то, что Лутфи обращается к устному народному творчеству и широко привлекает лексику разговорно-бытовой речи, язык его поэмы все же в значительной степени условен и традиционен. И это вполне естественно, ибо в тот период, когда язык художественной литературы был далек от живого народного языка, поэт усваивал многие традиции книжного языка с тем, чтобы удовлетворить эстетические вкусы образованных людей.

"Гуль и Навруз" — поэма, в которой сочетаются старые традиции с новыми веяниями. В поэме, с одной стороны, обнаруживается самобытность творческого мира поэта, с другой — его тесная связь с народнопоэтическим творчеством и древней письменной литературой.

В старой узбекской и. персидско-таджикской литературе много произведений, посвященных традиционному празднику народов Средней Азии- наврузу (но старому персидскому календарю первый

день месяца фарвардин, то есть день нового года) и произведений, в которых созданы образы Навруза и Гуль. Тема Навруза упоминается в "Шахнамэ" Фирдоуси (934 — 1020/ 25). У Хаджи Кирмани (1281/82 — 1352) имеется поэма "Навруз и Гуль". Автор "Кашфуз зунун" Котиби Чалабы (XVIII в.) упоминает, что произведение, связанное с именами Навруза и Гуль, имелось и у поэта Муиди.

Безусловно, что Лутфи был знаком с произведениями своих литературных предшественников и в известной степени испытал их влияние, но Лутфи больше всего обращался к народным легендам. Испытав определенное воздействие однотемных народных героических легенд, он создал совершенно новое оригинальное произведение.

У Лутфи использование тем и сюжетов народнопоэтического творчества сочеталось с приближением к народной точке зрения на жизнь. В его поэме сильней, чем в других произведениях того времени, ощутимо своеобразие народной поэзии, так как в "Гуль и Наврузе" глубоки социальные основы, ярко отражены прогрессивные взгляды современников поэта, более того — мечта лучших людей о справедливом и счастливом царстве.

Поэма оказала определенное влияние на последу-Ю!цее развитие узбекской литературы. О популярности поэмы свидетельствует, в частности, список рукописи поэмы, сделанный через сто лет после ее написания. Во вступлении к поэме "Киссаи Сайфулмулук" поэт Меджлиси (XVI в.) с восхищением упоминает о поэме "Гуль и Навруз". Автор словаря "Абушка" (1560) при объяснении слов приводит около 80 строк стихов из разных частей поэмы "Гуль и Навруз". Поэма "Гуль и Навруз" оказала влияние на творчество Навои, что ярко проявилось в отдельных поэмах "Хамсы". Заметно влияние "Гуль и Навруза" в "Киссаи Сайфулмулук" на упомянутого выше поэта Меджлиси.

Жизнерадостное и высокохудожественное творчество Лутфи на протяжении веков сохраняло свою поэтическую силу и свежесть, а теперь оно с выходом в свет на узбекском языке "Избранных произведений" и на русском языке поэмы "Гуль и Навруз" становится достоянием советского читателя.

Садыр Эркинов

Начало книги

Подобный в красноречии Мессии,
Явился Хызр[2], творя слова такие:
Познал Иавшада мудрый государь
Все то, что будет впредь и было встарь.

Фаррухом звался взысканный судьбою,
Владел землею, ратью боевою,

Он правосуден был и справедлив,
И царствовал, державу укрепив.

Фарруху сына лишь недоставало —
Иной печали сердце не знавало.

Он сильно, страстно жаждал быть отцом
И был за то вознагражден творцом.

Красавица жила в его гареме,
Она познала радостное бремя.

Не в тягость было бремя для нее,
И наступило время для нее.

был в этот час весь мир красив и светел,
Веселием весны повеял ветер,

Он землю сделал раем, он принес

Благоуханье мускуса и роз.

Настал навруз, и новый год услышал:
Из раковины ценный жемчуг вышел!

На радостях добро свое Фаррух
Стал раздавать, разбрасывать вокруг,

Устроил он пиры, увеселенья,
Он обратил к всевышнему моленья,

Он узников освободил от уз —
Счастливым днем для многих стал навруз!

Наврузом сына царь нарек: звучало,
Как счастье, года нового начало!

Стал мальчик грудь кормилицы сосать, —
Не молоко сосал, а благодать!

Царевич рос, не ведая невзгоды,
Стал бесподобным в молодые годы.

Навруз постиг науки с малых лет,
В нем разума сиял бессмертный свет.

Он изучил искусство бранной славы;
Он возлюбил охотничьи забавы;

Он львов преследовал в сырую рань,
И птицу он приманивал и лань;

Устраивал пиры порой закатной,
Ища беседы умной и приятной,

Чтоб кравчие пленяли красотой,
Певцы — своей душевной чистотой.

Так благо получил он от рожденья,
Так расцветал, вкушая наслажденья;

Веселье было гостем вечеров,
Рассказы — украшением пиров.

Шли речи о красавицах Хотана[3],
О том, что девы Рума[4] — тонкостанны,
Что китаянки — радость для души,
Что дочери узбеков хороши.

Красавиц славили любого края,
Одну перед другой не унижая.

Царевич улыбался все светлей,
И цепи спутались его кудрей.

Пьянел он, описаниям внимая,
И закружилась голова хмельная.

Печальный, словно горлинки птенец,
Газель[5] о страсти вдруг завел певец.
Он пел о долгом горе, счастье хрупком, —
И кравчий подошел к Наврузу с кубком.

Навруз влюбляется в самого себя

Едва царевич кубок взял с вином,
Свое узрел он отраженье в нем,

И, собственной красою изумленный,
Свой ворот разорвал он, как влюбленный.

Да, к Самому себе познал Он страсть,
И только стыд мешал ему упасть.

Он с извиненьем прекратил веселье,
Смятенный, он улегся на постели.

Взял зеркало, взглянул, свой ум губя, —
Навруз влюбился в самого себя!

К себе он приближался с поцелуем,
Он обнимал себя, собой волнуем,

Разглядывал себя со всех сторон, —
И вдруг заснул, любовью потрясен.

Вино его повергло в сон глубокий.
Кого ж во сне увидел черноокий?

Предстал пред ним кумир, — нет, не кумир,
А пери, украшающая мир!

Темнеют косы, оттенив ланиты,
Глаза полны соблазнами, раскрыты,

В них смута без начала и конца,
А на кудрях повешены сердца.

Всех на земле прелестный лик пленяет,
А стройный стан — земных владык пленяет.

Проснулась, кубок с влагою держа,
Сама, как роза влажная, свежа.

Сказала: "Юный царь, вина отведай,
Ты всех отвергни, лишь за мною следуй

Испил царевич дивного вина, —
Горит душа, любовью зажжена!

"Луна!-он молвил, ноги ей целуя.-
Откуда ты? О, где тебя найду я?

В какой ты обретаешься стране?
К тебе дорогу кто укажет мне?

Кто ты? Душа? Так не чуждайся тела!
Иль, гурия, на землю ты слетела?"

Гуль во сне отвечает Наврузу

Она сказала, искоса взглянув,
Улыбкою чарующей сверкнув:

"Узнай, самим собою обольщенный,
Что в царстве красоты — мои законы.

Из-за меня погибнет бренный мир!
Сама страна волшебников, Кашмир,

От волшебства моих очей в смятенье!
Китай, где мускуса месторожденье,

Был потрясен, волненье перенес
От благовония моих волос.

Мои уста пылают, как зарница,
Тот, кто коснется их, воспламенится.

Всех кипарисов мира я стройней,
Сокрыта от адамовых детей.

Зовусь я Гуль[6], мой край — Фархар прелестный,
Я роза, но шипы мне неизвестны!"
Так молвила, блистая, как заря,
И кубок свой взяла из рук царя.

Навруз на миг теряет разум

Навруз проснулся, болью вдруг пронзенный.
Такие из груди исторг он стоны,

Что мир земной объяли страх и дрожь.
Искал он Гуль. Но где ее найдешь?

Заплакал он: от бедствия такого
Спасенья, кроме плача, нет другого.

Утратил он и стойкость и покой,
Охвачен беспредельною тоской.

Он обезумел, смутный, одинокий,
Твердил он самому себе упреки.

Навруз просит истолковать его сон

Людского осуждения страшась,
Он внешне был спокоен в тяжкий час,

Но днем и ночью сердце трепетало,
Великая печаль его снедала.

Он странников сзывал со всех сторон,
Чтоб те истолковали чудный сон.

Никто не знал целительной разгадки —
И мысли заметались в беспорядке.

Пытался он развлечься хоть на миг,
Чтоб холод в сердце жаркое проник,

Но если в сердце вспыхнет страсти искра,
То сердце в пепел обратится быстро...

Вот скачет он, спасаясь от забот.
То плачет он, то жалобно поет,

То ищет утешения в тюльпане,
То поверяет розе боль страдании.

Как с милой, с кипарисом говорит,
В жасмине видит цвет ее ланит.

Однажды, в горькой смуте и тревоге,
Он оказался на большой дороге.

Наврузу повстречался караван:
Явились люди из далеких стран.

С любовью и покорностью великой
Склонились путники перед владыкой,

Рассыпав яхонт, жемчуг и рубли.
Сойдя с коня, спросил их властелин:

Откуда родом? Каково их званье?
Один из них привлек его вниманье.

Увидев лик прекрасный, молвил вдруг
С надеждою царевич: "Близкий друг,

Мне кажется, что мы давно знакомы.
Откуда прибыл ты, добром влекомый?"

Ответил тот: "О наших дней Хосрой[7]!
Страна Фархар[8] — приют и корень мой.
Я знаю все о тамошнем народе,
О тамошних обычаях, природе.

Бульбуль зовусь я — звонкий соловей;
Я знаю много дивных повестей,

Я знаю песни пиршеств, песни битвы
И песни сладостные, как молитвы.

Творю слова отрады и добра,
А подпевает мне сама Зухра.

Я, как Мессия, жизнь дарую песней,
Я словом исцеляю от болезней".

Услышал царь название "Фархар" —
И в холод бросило его и в жар.

Он заключил купца в свои объятья,
Казалось, встретились родные братья.

Навруз привел Бульбуля[9] во дворец,
И стал ему наперсником купец.

Навруз внимает Бульбулю, а думает о Гуль

Увидел царь, что дар купца чудесен,
Что больше тысячи он знает песен.

То с праведником вместе пьет вино,
То с бражником хмелеет заодно.

Когда он собутыльник святотатца,
То вера и добро его боятся.

Когда его душа у райских врат,
Его и девы рая не прельстят.

Внимал царевич звукам песнопений
И облик розы узнавал весенней.

О розовом услышит лепестке —
И видит Гуль в туманном далеке.

О счастье песнь лилась иль о печали —
Слова певца ее живописали.

Навруз узнает от Бульбуля о существовании Гуль

Уразумел безумец наконец,
Что вдохновлен красавицей певец.

Сказал, а очи жарко загорелись:
"Подробней опиши мне эту прелесть!"

Сказал Бульбуль, волнуясь: "Юный шах,
Да правду ты найдешь в моих речах!

Страна Фархар подчинена Мушкину,
Как мускус благостному властелину.

Джемшида[10] он потомок, он святой,
Затмил он Феридуна чистотой.
Ни в нашем бренном мире, ни в загробном
Никто не слышал о царе подобном

Среди его сынов и дочерей
Сияет Гуль всех краше и милей.

Не опишу царевны совершенства,
В одном лишь взгляде на нее — блаженство.

Красней зари огонь ее ланит,
А лик сияющий луну затмит.

Ей но душе Бульбуля песнопенья,
Она ко мне полна расположенья".

Душа Навруза сделалась ясна:
Теперь он разгадал загадку сна!

Навруз поверяет Бульбулю свою тайну

Поведал он о сердце потрясенном,
Певцу поведал о виденье сонном.

Затрепетал и запылал певец,
Сказал: ,0 ты, на чьем челе венец!

Пока стою, спокойно я не сяду,
Пока живу, я не вкушу отраду,

Пока могу, прибегну к силе чар,
Займусь я волшебством, придя в Фархар,

Царевну, может быть, к тебе склоню я,
Юсуфа[11] с Зулейхой соединю я".
Вздохнул Навруз, услышав эту речь,
И сердце мог бы вздохом он обжечь!

Заплакал он, целуя гостю ноги:
"Не думай, друг, о тягостях дороги!

Хоть на глаза мне наступи ногой, —
Иди, согласен с участью такой.

По поднеси ей тоже кубок страсти,
Ты ей поведай о моем несчастье,

Пускай откроет ей твоя газель,
Что только в ней я жизни вижу цель".

Навруз отправляет Бульбуля к царевне Гуль

Поцеловал порог Бульбуль смятенный,
Помчался, порученьем окрыленный.

Расправив крылья, полетел певец,
Достиг Фархара, перед ним — дворец.

В ту пору прибыл он, когда царевна
Весельям предавалась каждодневно.

Фархар подобьем рая был затем,
Что зеленел, сверкая, как Эдем.

Вода — Кавсар, деревья — без порока,
А воздух — как дыхание пророка.

Щебечут птицы, шелестят кусты,
Верхи дерев трепещут, как цветы.

Разумный в день такой теряет разум,
Безумный в бешенство приходит разом;

В такую пору Гуль пришла в цветник:
Бульбуля голос в сердце ей проник.

Искала, но, увы, не отыскала
Певца, чье пенье слух ее ласкало.

Велела всем замолкнуть на пиру, —
Как вдруг Бульбуль приехал поутру.

Бульбуль поет о Наврузе

Приблизился Бульбуль к ее покою,
Завел он песню с болью и тоскою.

Сердца людские вздрогнули в ответ,
Казалось, тяжело вздохнул рассвет.

Царевна Гуль проснулась в миг единый
Услышав горе песни соловьиной.

В той песне плакал и пылал Навруз,
То был огня и горести союз!

Гуль влюбляется в Навруза, услыша в его описание в песне Бульбуля

Сказала Гуль: "Продлим веселье паше!
Где кравчие? Где круговые чаши?"

Она с друзьями разговор ведет,
А в сердце — песня, что Бульбуль поет.

Глаза ее в слезах, душа в смятенье,
Забвенья тщетно ищет в опьяненье.

Кормилица Савсан[12] при ней жила.
Язык ее — кинжал, язык — игла!
Старуха родилась в кашмирском царстве —
Была искусна в колдовстве, в коварстве.

Она была для плутней рождена,
Брал у нее уроки сатана.

Она, восстав от сна, взглянула гневно,
Услышав: плачет жалобно царевна.

Как страшный день последнего суда,
Обрушилась на девушку тогда.

А Гуль, не зная выхода иного,
Целуя мамку, молвила ей слово:

"Моя надежда, сила и оплот!
Моя душа, весь мир в тебе живет!

Ты для меня как мать. О нет, пойми же,
Что матери ты мне сегодня ближе!

Горю, не ведая в каком огне,
Чего-то жду, но ждать ли счастья мне?

Арчу терпеть — где стойкости возьму я?
Сама никак, пылая, не пойму я,

Что мне Бульбуля нашептал напев.
Но я томлюсь, от горя ослабев".

Савсан вскипела, от царевны выйдя,
Воскликнула в сердцах, певца увидя:

"Как ты болтлив, хотя сладкоголос!
Откуда эту песню ты принес?

О ты, чья глупость для меня обуза,
Ты про какого нам поешь Навруза?

Чего ты хочешь, плача и скорбя?
Какое горе обожгло тебя?"

Бульбуль рассказывает кормилице о Наврузе

Бульбуль склонился перед ней с улыбкой
И молвил: .Песнь сложил я не ошибкой.

Решил я в мире погулять земном,
Проведать о хорошем и дурном.

Вот так пришел я к городу Навшаду[13],
И в нем для сердца я обрел отраду.
Царевич обитает в том краю, —
Тот самый, о котором я пою.

Как жемчуг, он сердца людей чарует,
Как сын Марьям[14], дыханьем жизнь дарует,
Он — юности расцвет и красота,
Подобно духу, плоть его чиста.

Его зовут Навруз[15], он сын Фарруха,
А речь о нем — как музыка для слуха".

Савсан передает слова Бульбуля царевне и упрекает ее

Савсан вернулась к девушке тотчас,
Бульбуля ей передала рассказ.

Увы, расстроился царевны разум:
Она была потрясена рассказом!

Упала наземь, зарыдала вновь,
Не слезы потекли из глаз, а кровь.

Тогда Савсан застыла в изумленье:
Недуг тяжел, но где же исцеленье?

Воскликнула с упреком: "0 луна!
Отец твой — шах, страна его сильна.

Но обо всем забыла ты, как видно.
Ужель тебе родителей не стыдно?

Ты о себе не думаешь сейчас?
А знаешь ли, что нас ты губишь, нас!"

Но только увеличили упреки
Любви неугасимой жар высокий.

Влюбленный счастлив пасть, любви служа.
Хоть режь его — не чувствует ножа.

Гуль гневается на кормилицу

В ответ на слово резкое и злое
Сказала Гуль: "Оставь меня в покое,

Хочу я плакать, горем заболев, —
Для горя пластырем не служит гнев!

Не пластырем ты стала мне, а болью,
Ты рану сердца посыпаешь солью.

Какую помощь ты мне подала?
Какие совершила ты дела?

Оставь меня, расстанусь я со светом.
Ступай к моим родителям с наветом.

Не буду унижаться пред тобой,
Приму я все, что суждено судьбой".

При виде гнева госпожи прекрасной,
Старуха речь свою сочла напрасной.

Вновь стала лебезить пред госпожой —
Царевна ей внимала, как чужой.

Подумала Савсан: "Кто я такая,
Чтоб жить, к прекрасной Гуль враждой пылая?

Где, кроме Гуль, опора у меня?
А жизнь умчится скоро от меня!

Чтоб сладко жить, оставлю я угрозы:
Ужель шипы нужны мне вместо розы?"

Савсан, желая утешить Гуль, приводит к ней Бульбуля

Решила так Савсан: "Приду к добру,
Ходатаем Бульбуля изберу".

Сказала: "Я царевне надерзила,
Я на нее кричала, ей грозила.

Ты к ней ступай, приязнь ко мне храня,
Бульбуль, замолви слово за меня".

Придя к царевне, преклонил колени —
За Гуль вознес Бульбуль слова молений.

Узрев певца, вновь стала Гуль светла,
Открыв лицо, беседу повела.

Бульбуль ходатайствует за Савсан

Красавицы снискав расиоложенье,
Бульбуль сказал: "Даруй Савсан прощенье.

Ты — роза, розой лилии горды,
Но лилиями славятся сады".

И розы лепестки, смеясь, простили
Тогда Савсан, старейшую из лилий.

Был рад их примиренью соловей,
Пришел к ним кравчий с чашею своей.

Бульбуль описывает Навруза Гуль

Слов о Наврузе жаждала царевна,
О юноше запел Бульбуль душевно,

О том, что, увиав ее по сне,
Он тайну "крыл в сердечной глубине.

О том, что он скорбит, стремится к встрече,
Бульбуль поведал в жаркой, мерной речи.

Так звучно песня страстная лилась,
Что слезы у нее текли из глаз,

И этой страсти огненные звуки
Царевны увеличивали муки.

Мир задрожал, ее услышав плач,
Как вихрь пустынь, был вздох ее горяч.

И вновь, и вновь она певцу внимала,
И вновь просила повторить сначала,

К себе звала Бульбуля день за днем,
Хотела слушать только об одном:

И спутник ей и друг — Навруза имя,
Милей, чем близких круг, — Навруза имя!

Ее любви язык — Навруз, Навруз!
Проснется — первый крик: "Навруз! Навруз!"

Увы, печаль проникла в сердце розы,
И, как росинки, заблестели слезы.

Что было Снаврузом, когда он отослал Бульбуля

Когда Бульбуля отослал Навруз,
Лег на душу ему тяжелый груз.

Он жаждал смерти, сна не знал в постели, —
Так было ли Наврузу до веселий?

Раздастся песни — он сидит угрюм,
К сказаньям ярким равнодушен ум,

Не ест, не пьет, молчит с тоской во взоре,
Его питье и пища — боль и горе.

Он хочет к розе отыскать тропы,
А в сердце у него одни шипы...

Отец узнал о скорби сына странной
И пребывал в заботе постоянной.

На юношу поглядывал Фаррух,
И втайне опасался он: а вдруг

В душевном он отправится недуге
На поиски неведомой подруги?

Так думал царь, и днем сменялся день.
Он понял, что попал стрелой в мишень.

Навруз уезжает, но Фаррух возвращает его

Павруз изнемогал от жгучей боли.
Он оседлал коня, лишенный воли,

Умчался, одинокий, на коне,
А небо лило слезы в вышине.

Умчался, не назначив час возврата,
Не опоясав стана, без халата.

За ним в погоню двинулся отряд.
Не отдыхая, всадники летят.

Царевич скачет пыльною тропою,
Он конский топот слышит за собою.

Стрелу достал и натянул он лук,
Но посмотрел — отца увидел вдруг.

Он соскочил с коня, теряя разум,
Стрелу, и лук, и шапку бросил наземь,

В беспамятстве кататься стал в ныли,
По телу струи крови потекли.

Царь спешился в отчаянье великом,
К следам от ног его припал он ликом,

Заплакали вдвоем, взметая прах,
И вся земля была тогда в слезах.

Так юношу отец вернул с дороги,

Чтоб тот опять пылал в своем чертоге.

Фаррух советуется с придворными

Созвал Фаррух знатнейших на совет —
Увидел, что у них лекарства нет:

Сжигает сына жар неугасимый,
А исцеленье — в близости с любимой:

Его душа Фархаром отнята,
Фархар — его стремленье и мечта.

Ничем иным его не успокоишь,
Его пыланье ватой не закроешь!

Решил Фаррух: чтоб потушить пожар,
Отправить надо юношу в Фархар.

Сановников отверг он возраженья,
Не пожалел для сына снаряженья.

Сокровищницы с ним отправил он,
Себе монетки не оставил он!

Послал он за Бахманом[16], беком знатным,
С лицом холодным, жестким, неприятным,
И рядом со счастливою звездой —
С Наврузом — в путь пустился бек седой.

Фаррух Навруза проводил немного,
Он плакал — стала глинистой дорога.

Отец вернулся, горестью объят,
А сын умчался, радостью богат.

Умчался он к неведомой подруге,

А по бокам его скакали слуги.

Бахман уговаривает Навруза вернуться

"Попробую, — решил Бахман — старик, —
Найдет, быть может, слово мой язык,

Я молодца раскаяться заставлю,
От глупой страсти я его избавлю".

К Наврузу дерзко подскакал вперед,
Закрыв глаза, открыл он дерзкий рот:

"Растягивая путь, куда прибудем?
Лишь горе причиним подвластным людям!

К Фархару ты стремишься всей душой,
Но мы погибнем на земле чужой,

Ты откажись от глупого похода,
Он вреден для навшадского народа.

А наш Навшад красив, как райский сад,
Сокровищница красоты — Навшад,

Держава пери, государство гурий,
Обитель неги, солнца и лазури!"

Навруз гневается на Бахмана

Мавруз воскликнул, гневом запылав:
"Старик, ты нам явил свой низкий нрав!

Умом ты темен, хоть и стал ты белым,
Владеет глупость мозгом ослабелым!

Я знаю сам, что будет впереди.
Ты — раб: куда пойду, туда иди.

Пожалуй, ниже ты раба: скорее —
Собака ты с веревкою на шее.

Не отниму сегодня жизнь твою,
А вновь перечить станешь мне — убью!"

Затрепетал Бахман, охвачен страхом:
Зачем он этот спор затеял с шахом!

Предательством он сердце напитал,
Готовя злодеяния кинжал

И удалился, полон мыслей черных.
Сказал Наврузу некто из придворных:

"Вновь удостой его своей любви,
Иль сразу же стрелою умертви.

Иначе берегись его обмана:
Предательство увидишь от Бахмана!"

Но юный шах решил, что это вздор,
Для пира он велел разбить шатер.

Пленительный певец запел газели,
От полных кубков люди захмелели,

И под покровом ночи каждый лег,
Не отличая головы от ног.

Предательство Бахмана

Созвал Бахман вельмож, высоких саном:
Был сговор у предателей с Бахманом.

Дракон небесный вздрогнул. Лик ночной
Тогда покрылся дымной пеленой.

Поднялся вихрь и погасил светило,
Густая мгла вселенную покрыла.

Послышался внезапно звон кольчуг:
То заговорщики собрались вдруг.

Они — в одеждах битвы, кони — в латах,
Сокрыла ночь изменников проклятых,

А те, забрав сокровища, казну,
Отправились назад в свою страну.

Состояние Навруза после отъезда Бахмана

Взошла заря, сверкая с небосклона —
Из чрева рыбы вышел так Иона[17].
Опять земля спокойна и ясна.
Навруз очнулся от хмельного сна.

Увидел он: уродлив до предела,
Свершил Бахман уродливое дело.

Ни беков, ни сокровищ, ни казны...
О, как сердца изменников грязны!

Но юный шах, спокойный, стойкий, строгий,
Не отказался от своей дороги.

Кто полюбил, кто дал любви обет,
Тому готовит небо сотни бед.

В огне заложено любви начало,
И всех любовь сожгла, кого узнала.

Спешит влюбленный к той, что вдалеке,
Во прахе голова, душа — в руке.

Его питье — лишь слез кровавых влага,
Отверг он жизни радости и блага!..

Не злясь на бросивших его в пути,
Навруз позволил и друзьям уйти.

Тут встали все от мала до велика,
Сказали: "Миродержец и владыка,

Хотим лежать у ног твоих, о шах,
А нет — пусть нашим ложем будет прах!

Не тот, кто в дни удачи лезет в дружбу,
А тот твой друг, кто в горе служит службу.

Коль не тебе, кому же в нас нужда?
Коль не с тобой, то с кем пойдем тогда?"

Так прибыли в страну царевны юной, —
Приблизилась заря к стоянке лунной.

Навруз припал к земле, во прахе лег,
Облобызал следы от милых ног.

Гуль слушает песню Зухры

Гуль обняла Савсан, тоски подругу,
И чаша в честь Навруза шла по кругу.

Они служанку слушали, Зухру,
Что пела и играла на пиру.

Рыдали струны чанга[18], нежно вторя
Берущим за сердце напевам горя.
Но вдруг Бульбуль запел еще звучней —
Любовью опьяненный соловей.

В счастливый час протяжно зазвенели
Слова его пронзительной газели.

Бульбуль поет Газель от имени Навруза

Всегда цвети, о роза, в цветнике,
Чаруя всех вблизи и вдалеке!

Будь счастлива, и, страстью опаленный,
Да будет счастлив друг, в тебя влюбленный!

Тебя он ищет, бедный и больной,
Его спасенье — в близости с тобой.

Красавица, тот самый я страдалец,
Тобою очарованный скиталец!

Хоть я султан, отверг султанство я,
О пери, жертва постоянства я!

Я шахом был и нищим стал отныне,
Страдания познал я на чужбине.

Я дом покинул, близких и семью,
Чтобы увидеть красоту твою.

Я чужеземец, всеми позабытый...
Хоть краем глаза на меня взгляни ты,

Взгляни — тогда поймешь ты, каково
Отчаянья и скорби существо.

Ты выбрала веселье и удачу,
А я кровавыми слезами плачу.

На ложе неги тянешься к вину,
А я пылаю и томлюсь в плену.

Ты в государстве радости — царица,
А я живу, чтоб по тебе томиться.

Я жалким без тебя, бесценной, стал,
Посмешищем для всей вселенной стал!

Спаси, спаси мели скорей, подруга!
О, чужеземца пожалей, подруга!

Из-за тебя лишился я души,
Вернуть мне душу, пери, поспеши!"

Слушая песню Бульвуля, Гуль чувствует, что пришел Навруз

Царевну поразили эти строки.
Она сказала: "Близок друг далекий.

Узнала я душевные стихи,
Но то не повседневные стихи,

То не обычное стихотворенье,
А сердца страстный крик, любви горенье!"

Савсан в ответ: "Смешны твои слова.
Пойми, что песнь Бульбуля не нова.

Так все утра, все вечера поет он,
Сегодня то же, что вчера, поет он.

Не веришь? Так заставь Зухру опять
Сыграть на чанге, обо всем узнать*.

Зухра[19] запела, сладостно играя,
Напев Бульбуля звонко повторяя.

Зухра поет от имени Гуль

Молчи, красноречивый соловей,
Мне сладким пеньем сердце не разбей!

У лживых слов твоих такое свойство,
Что ты меня ввергаешь в беспокойство.

Навруза ты в напевах превознес
И доказал, что ты сладкоголос.

Но этой песне внемлю я с досадой,
Ты лучше прошлогодней нас порадуй.

Певец, ты ложью Гуль не опечаль,
Ужель тебе страдалицу не жаль?

Я не дитя, что развлеченьям радо,
Мне утешенья твоего не надо.

"Вода! Вода!" — твердишь на все лады,
Я жажду, а не вижу я воды.

Как роза без колючек, здесь росла я,
Теперь впилась в меня колючка злая.

Весь мир услышал обо мне рассказ,
Светильник сердца моего погас.

Хоть не одну ты протоптал дорогу,
Но горя ты не знаешь, слава богу.

Иль ты заснул, и сон был так хорош,
Что песню ты как бы во сне поешь?

Чтоб обогреться, нет нужды в прохладе.
Твой друг влюблен? Зачем же он в Навшаде?

Не надо мне красивой, звонкой лжи,
Немедленно всю правду мне скажи".

Навруз просит Бульбуля ответить Зухре

Навруз, что пламенел с Бульбулем рядом,
Вздохнул, и вздох его взлетел над садом.

Вскричал он: "О смертельная тоска,
Да нет же — беспредельная тоска!

Ужель судьбы смягчается суровость?
Где звездочет, сказавший эту новость?"

Царевич попросил Бульбуля вновь
Излить в стихах великую любовь.

Бульбуль отвечает от имени Навруза

"На небе красоты луна Фархара,
Тобой озарена страна Фархара!

Пыль у твоих ворот влечет сердца,
Прах у твоих дверей ценней венца!

Поняв, что только ты моя отрада,
В огне тоски я сжег престол Навшада.

Я шел, не веря собственной судьбе.
Что счастье, если есть любовь к тебе!

Что блеск венца и царского чертога
В сравненье с тенью твоего порога!

Я не хочу блаженствовать в раю,
Когда я вижу улицу твою!

В моей душе твой образ оказался,
Иначе б от души я отказался.

Во сне твой призрак свел меня с ума,
Когда ж ты явишься ко мне сама?

Тебя искал я по дорогам света,
Расспрашивал — не получал ответа.

Нет, я не близость обрести желал:
Погибнуть на твоем пути желал!

Я не мечтал, что встречусь я с тобою,
Лишь слепо следовал я за судьбою.

Отрады не во сне ли я достиг?
Я сплю иль вправду цели я достиг?

С тобой побыть хотя б одно мгновенье
Иное неизвестно мне стремленье.

Гуль убедившись, что пришел Навруз, стремится к нему, Савсан пытается ее удержать

Тогда склонила Гуль свой стройный стан,
Заплакала и обняла Савсан,

Сказала: "Будь сегодня мне послушна,
И действуй ты со мной единодушно.

К чему притворство? Жизнью я клянусь,
Что здесь Навруз, ко мне пришел Навруз!

Моя душа его призывы слышит,
Его дыханьем даже ветер дышит!

Теперь свою заботу мне яви,
Не то сгорю от горя и любви*.

Савсан в ответ: "О нерп без порока!
Ужель тот шах приехал издалека?

Ужель мы не были б извещены,
Что прибыл караван из той страны?

Он славен, как властитель величавый,
Как венценосец и глава державы,

Так неужели про его приход
У нас не говорил бы весь народ?

Дитя, опомнись, не мели ты вздора!"
И задрожала Гуль, страшась позора.

Гуль просит позволения выйти в сад, Савсан разрешает ей взобраться на крышу

К Савсан взмолилась Гуль: "Как над больной,
Хоть на мгновенье, сжалься надо мной!

Пойми ты, что сегодня я иная,
Взволнована, уныла, смятенна я.

Меня снедают здесь тоска и боль,
Ты мне по саду погулять позволь".

Савсан сказала: "Пери молодая!
Цвети, пахучий куст, не увядая!

Пред вихрем ты не гнись в осенний час,
Пускай тебя дурной не сглазит глаз.

Сады по вечерам — жилище духов.
Остерегайся нехороших слухов.

Что скажут люди, если на беду
Узнают, что гуляла ты в саду?

Но чтоб избавиться от скорби смутной,
Найдем на крыше уголок приютный".

Навруз и Гуль, увидев друг друга теряют сознание

Упрямицы исполнен был приказ.
Ковры на крышу вынесли тотчас.

Гуль поднялась наверх среди служанок,
Как солнце, что выходит спозаранок,

И, своевольная, метнула взгляд:
Пред ней внизу темнел вечерний сад.

Глялит — певца Бульбуля вилит с крыши,
Поет он, и звенит печаль двустиший.

Навруз, чтобы излить любовь свою,
Слова подсказывает соловью...

Глаза царевич поднял — и в смятенье
Увидел: стало явью сновиденье!

Такой издал он вопль, и вздох, и стон,
Что вздрогнули земля и небосклон.

Упал он, пленник страсти и печали,
А та луна в атласном покрывале

На крыше глиняной зарылась в прах,
Дыхания не стало на устах.

Тогда ошеломленные подруги
Спустились вниз в отчаянье, в испуге,

Внезапной потрясенные бедой,
За мускусом, за розовой водой.

Обрызгали водой холодной щеки,
Гуль задрожала, вздох издав глубокий,

Страдалица в себя пришла с трудом,
И на руках внесли царевну в дом.

Бульбуль уносит Навруза в шатер

А до утра, недвижный и безгласный,
Лежал в чужом саду Навруз несчастный.

Бульбуль метался, потрясен бедой,
Рыдая, друга оросил водой.

К царевичу взывал он до рассвета, —
Не услыхал ни вздоха, ни ответа.

То, как свеча, он ярко пламенел,
То мотылька он избирал удел.

Пришел в себя царевич на мгновенье, —
Увы, исчезло милое виденье!

И юноша закрыл глаза опять,
Он, мнилось, перестал уже дышать.

Тогда Бульбуль, ценней не зная груза,
Поднялся, на себ взвалил Навруза,

Унес царевича в его шатер,
И день свое сияние простер.

Савсан утешает царевну

Лежала Гуль одна в своем покое,
Пылало сердце бедное, больное.

Вошла Савсан, сказала ей, скорбя:
"Пойми, что убиваешь ты себя!

Тебе помогут, Гуль, в твоем стремленье
Терпенье, и терпенье, и терпенье!

В тоске зачахнуть злой к чему тебе?
Сгореть и стать золой к чему тебе?

Скажи своей рабе всего лишь слово —
Исполнить все, что скажешь, я готова.

Что ни увижу, пусть увижу я!
Себя унижу? Пусть унижу я!

Пройдет твоя печаль, твоя тревога:
Я помогу тебе во имя бога!"

Гуль посылает Савсан к Наврузу

От этих слов царевна расцвела,
Как ветка плодоносного ствола.

С улыбкою кормилицу лаская,
Она сказала: "Мамка дорогая,

Теперь я вижу, ты мой верный друг,
Ты — снадобье, что лечит мой недуг,

Ты — сердца заблудившегося пастырь,
Для раненой души — целебный пластырь!

Ступай же к одинокому скорей,
С усердьем расспроси и пожалей.

Скажи ему: "О верный мой любимый,
Мой вещий свет и мир необозримый!

Из-за меня ты домом пренебрег,
Скитаешься среди чужих дорог.

Пронзен любовью, ты исходишь кровью,
Когда ж ты будешь исцелен любовью?

Средь роскоши и неги ты возрос, —
Из-за меня ты столько перенес!

Блуждал ты, одинокий, на чужбине, —
Не ведай тягот никаких отныне!

От горя и трудов ты изнемог,
Теперь твою мечту исполнит бог.

Вслед за любым трудом приходит отдых,
Источник радости живет в невзгодах.

К чему тебе страданья бытия
С тех пор, как ты узнал, что я твоя?

К чему мне слез безрадостные реки,
Когда я знаю, что ты мой навеки?

Твоя раба стоит перед тобой —
Ты сжалься над печальною рабой!"

С такою речью, твердой и душевной,
Савсан была отправлена царевной.

Савсан приходит к Наврузу

Решив свой облик изменить,
Савсан Надела износившийся чапан[20].
И старую чадру, и покрывало
Она себе доставить приказала.

Пошла, в такой наряд облачена,
Кознелюбива, словно сатана.

Увидела Бульбуля на пороге,
Спросила о царевиче в тревоге.

Так описал Бульбуль его печаль,
Что стало ей того страдальца жаль.

Узнав об этой страсти непорочной,
Она влюбилась в юношу заочно!

Его скитанья по лицу земли
В ее душе сочувствие нашли.

Савсан передает Наврузу привет от Гуль

Пришел Бульбуль к Наврузу: "Я ликую,
Ты мне подарок дай за весть благую!

Взошел твоей звезды счастливый свет,
Савсан от пери принесла привет".

Впусти ее! — воскликнул шах с весельем —
С тобою, друг мой, радость мы разделим!

Пусть на глаза наступит мне ногой, —
Пребуду я покорным ей слугой!"

Вошла Савсан — и, словно раб. убогий,
Упал Навруз, поцеловал ей ноги.

А та: "О шах, жалка моя судьба,
Твоя служанка я, твоя раба!"

Навруз, исполнен царского блистанья,
Явил Савсан вершину почитанья.

Савсан от Гуль передала привет,
Что был в наряд причудливый одет.

Лишь имя Гуль служанка называла,
Безумие царем овладевало,

Но сдерживал он огненную страсть,
Чтоб от блаженства наземь не упасть.

Он трепетал, кормилице внимая,

От счастья слов ее не понимая.

Савсаи одобряет поведение Навруза

Была Савсан смышленна и хитра,
Венчалась выгодой ее игра.

Всех, кто стремился к достиженью целей,
Оказывалась в десять раз умелей!

В шатре Навруза были: перстень, щит,
И пояс, что алмазами расшит,

И серьги, и венец, как солнце яркий, —
Кормилице вручил он те подарки.

Ее такая щедрость потрясла.
Молитвы за Навруза вознесла

И, улыбаясь радостно, утешно,
Вернулась к госпоже своей поспешно.

Пришла — Навруза стала восхвалять, —
Его величье, и лицо, и стать,

И доброту, и щедрость без предела, —
И роза от восторга пламенела,

Просила снова повторить, едва
Кончались у кормилицы слова,

И, замирая, мамку умоляла:
"Не поняла я, начинай сначала!"

Приказывала: "Говори опять,
Твои глаза хочу поцеловать:

Того, о ком я грезила ночами,
Вот этими ты видела очами."

То руки пожимала ей, дрожа,
То: "Любит ли?" — терзалась госпожа,

То гладила по голове, пылая,
Любимому Савсан уподобляя.

Савсан рассказывает Гуль о Наврузе

Савсан сказала: "Милым ты гордись!
Ты — роза, он — свободный кипарис.

Ты — солнце, прелестью он блещет лунной,
Ты — гурия, он — небожитель юный.

Всего живого он краса и цвет,
Он мог бы стать царем семи планет.

Хатим[21], что славен щедростью, как нищий
Является с сумой в его жилище.
Где милостыня" — щедрости венец:
По меньшей мере — тысяча овец!

Погибнуть на его дороге — радость!
Быть прахом на его пороге — радость!

О, как ни восхвалю его дела,
Ничтожною окажется хвала!

Ты на себя взгляни: себя изучишь —
Тогда о нем понятье ты получишь.

О чем ни вспомню, — выше он всего.
Он превзошел тебя, а ты — его.

Окажет милость бог — и словом властным
Соединит прекрасную с прекрасным!"

Кормилицей поведанный рассказ
И поразил царевну и потряс.

Ее душа любовью озарилась,

Ее любовь наперсницам открылась.

Служанки, не узрев его лица,
Уже Наврузу отдали сердца,

Помочь решили, госпоже в угоду,
Быстрее слиться молоку и меду,

Решили: Гуль счастливая звезда
Соединит с Наврузом навсегда.

Так замышляя, радовались бурно, —
И весть пришла о происках Сатурна.

Приезд послов Хакана[22]

Судьба для козней не жалела сил,
Свечу веселья ветер погасил.

О Гуль подумал властелин Китая,
Решил: ему нужна жена такая.

Казну копил он много лет подряд,
Нет, не казну — Фагфура ценный клад!

Тюки шелков и мускуса амбары,
Из разных стран диковинки-товары,

Подобных пери, табуны коней
И груды, горы дорогих камней,

Узорные шатры из пышных тканей, —
Сокровища, что выше описаний!

Изделья всех земель и всех держав,
Навьючив, погрузив, собрав, связав,

Хакан отправил с важными послами,
И прибыли они в Фархар с дарами.

Дошел об этом до Мушкина[23] слух.
Шах выслал им навстречу знатных слуг,
Стал пиршество желанное готовить,
Для дочери — приданое готовить.

Мушкин принимает послов

Устроил шах, не тратя лишних слов,
Все нужное, чтобы принять послов.

Не знала Гуль, что разразилось горе,
Что вихрь осенний розу сломит вскоре,

Что пожелал хакан ее купить,
Чтоб с розой как с колючкой поступить!

На трон воссел Мушкин, властитель края,
Всему народу облик свой являя,

Пошли послы Китая на прием,
Пришли вельможи — каждый был царем,

Пародом почитаемым по праву, —
Представились друг другу по уставу.

Целуя прах, воскликнули послы:
"О шах, да будут дни твои светлы!

Хакан, вернее, твой слуга отныне,
Подумал, ожидая благостыни.

Что два народа надо слить в один,
И через нас глаголет господин:

"Пусть дружит мой Китай с твоей страною,
Юпитер сочетается с Луною!

Увы, кознелюбив небесный свод,
Но тот, в ком совесть чистая живет,

Поступит, как подскажет разуменье:
Достойному отдаст свое именье".

Замолкли — и наполнился дворец
Дарениями из конца в конец.

Обременив наградами посланцев,
Мушкин отвел приют для чужестранцев.

С почетом, с пожеланьями добра
Их увели сановники двора,

А шах служанок известил в гареме,
Что Гуль невестой названа пред всеми.

Савсан сообщает царевне о прибытии послов хакана

Савсан печальна стала и нема,
Едва от горя не сошла с ума.

Ей лишней собственная жизнь казалась,
Взглянуть в глаза царевны опасалась!

Гуль поняла, что близится беда,
И вскрикнула в отчаянье тогда,

В слезах разорвала свою одежду,
Недолгую утратила надежду.

Савсан сказала: "За твою красу
Себя, поверь, я в жертву принесу!

Ты ослепи меня, язык мой праздный
Отрежь, но речи не внимай бессвязной!

Какое слово для тебя найду?
Ты на моем лице прочтешь беду!

Язык мой слаб, в огне душа и тело,
И нет огню всесильному предела.

Хакан-да превратись он в прах земной! —
Тебя решил назвать своей женой".

Гуль потрясена сообщением кормилицы; она посылает Бульбуля за Наврузом

Гуль, сражена той вестью роковою,
О землю стала биться головою.

Казалось, длился год ее недуг,
Лицо, как лепесток, увяло вдруг,

Забилась на земле, как бы в падучей,
Как нищенка, стонала в скорби жгучей...

Бульбуль, услышав о беде такой,
Утратил и здоровье, и покой.

Желая смерти, разрывая платье,
На небеса обрушил он проклятье.

Кляня судьбы жестокость и обман,
Он ринулся в отчаянье к Савсан.

Увидел он союзницу в печали,
И оба о царевне зарыдали.

А та, чья скорбь мрачна и тяжела,
Услышав плач, к кормилице вошла.

Спросила Гуль в тоске невыразимой:
"О, помнит ли любимую любимый?

Он понял ли, что горю не помочь,
Что в трауре его судьба, как ночь?

Есть у него друзья помимо тягот?
Какие ноши на страдальца лягут?

Какой рассказ, Бульбуль, ты мне принес?
Иди, Бульбуль, теперь не время слез.

А время для тебя, стрелок, — добыча:
Отсрочка и на краткий срок — добыча!

Иди и привести ко мне спеши
Мой светлый мир, покой моей души!

Мы проведем мгновенье в разговоре,
Чтоб облегчить безвыходное горе".

Бульбуль поднялся, преданность храня.
Воды полны глаза, душа — огня.

То падал, то вставал он, как в припадке,
Сам от себя бежал он без оглядки.

Навруз узнает о том, что Гуль отправляют к хакану

В тот миг Навруз покинул свой шатер,
Услышал двух фархарцев разговор:

"Царевна Гуль прощается с Фархаром,
За ней послов хакан послал недаром,

Прислал дары китайский властелин,
Сказав: "Пусть дочь свою пришлет Мушкин!"

Узнав об этой новости злосчастной,
Навруз исторг из сердца вздох ужасный.

Он побежал к себе в шатер назад,
Упал на землю, разорвал халат,

Грудь уподобил он листве чинары[24], —
Такие наносил он ей удары.
Желаньем смерти он теперь дышал,
Он вынул из-за пояса кинжал,

Решил он сердце обнажить поспешно,
Что б стало сердце чисто и безгрешно.

Бульбуль призывает Навруза к Гуль

Вдруг за руку его в тот горький миг
Схватил Бульбуль и поднял шум и крик:

"Самоубийство — это злодеянье,
Храни в душе на бога упованье!

Пойми же, что изменчив небосвод,
Быть может, благо мир тебе несет.

Терпенье прояви, меня послушай,
Навруз, благослови удобный случай.

Шипы разлуки раздави стопой:
Желает роза говорить с тобой!"

Навруза оживила весть благая,
Пошел он, счастье в горе постигая.

Гуль и Навруз встречаются в комнате Савсан

Свободный кипарис вошел к Савсан —
Упал на землю, как слуга, султан!

Из-за завесы роза показалась,
Несчастного увидев, растерялась,

Она из-за него во власти мук,
Его из-за нее томит недуг.

Два друга обнялись при краткой встрече,
Теперь их думы сблизились и речи!

Ужель не замечают небеса,
Что сблизились их руки и глаза,

Что сели рядом в этот день весенний,
Что сблизились их плечи и колени?

То розу обоймет его рука,
То Гуль к нему наклонится слегка.

Сплелись у нежных любящих ладони,
Их встрече не мешает посторонний,

Им не грозят предательство, донос.
Не высыхают их глаза от слез,

И друг от друга глаз не оторвать им,
И нет конца речам, рукопожатьям!

Стоят поодаль мамка и певец,

Пылает кровь их любящих сердец.

Савсан беседует с Наврузом

Савсан сказала: "Царствуй на престоле,
А твой завистник пусть умрет от боли!

Пусть ярче роз цветут твои мечты,
Но, шах, скажи мне, что предпримешь ты?

Нам не понять судьбы хитросплетений.
Ты видишь, как поднялся вихрь осенний,

Цветник царевны он песком занес, —
Что ты ответишь мне на мой вопрос?"

Сказал Навруз: "Убей меня скорее, —
Твоих речей, Савсан, мне смерть милее!

Пойми, что раб на этом я лугу,
Пойми, что Гуль нашла во мне слугу.

Я отказался от всего, чем жил я,
И голову у ног ее сложил я.

Смерть на ее пути — отрада мне,
Другого жребия не надо мне.

Смотри же, самой малости прошу я:
Как подаянья, жалости прошу я!

Согласна или не согласна Гуль —
Я раб, и надо мною властна Гуль!

Я — след ее ноги. Пусть был я шахом —
Я на ее пороге стану прахом.

О люди, что вам надо от меня?
Где милость, где пощада для меня?"

Гуль, убедившись в искренности Навруза, изъясняет ему свои чувства

В се душе те речи зазву-чали,
И Гуль освободилась от печали.

В свои ладони лик его взяла,
Поцеловала, стала весела,

Сказала: "Шах! Я клятвы не нарушу,
Теперь и я тебе открою душу.

Коль только я в душе твоей живу,
То лишь тебя любимым я зову.

Заплачу я, коль ты меня оставишь,
Но вновь любить меня ты не заставишь.

Коль ты мужчина, отыщи пути,
Чтобы меня от горестей спасти.

Ты лань поймал? Убей ее, чтоб лани
Не задохнуться у тебя в капкане!

Пускай сожгут внезапно мир земной —
Что мне за горе, если ты со мной!

С тобою ад блажен, как сад господний,
Рай без тебя ужасней преисподней!

Клянусь творцом, что создал все вокруг,
Что создал радость встреч и боль разлук:

Все то, что ты предпримешь, будет к благу,
У ног твоих рабой послушной лягу".

Навруз был этой клятвой вдохнотен:
Она в него, а он в нее влюблен!

Расстался шах с красавицею милой,
Любовь оплотом стала их и силой.

Послы Хакана увозят Гуль

Как только ветер утренний взлетел,
Умчался черный ворон в свой предел.

Пришел Мушкин и, слово соблюдая,
Уехать разрешил послам Китая.

Коней привел конюший под седлом,
И увезли царевну с торжеством.

Затворница-царевна в паланкине
Отправилась, чтоб плакать на чужбине,

Немного проводил ее Мушкин,
И вот в тумане скрылся паланкин.

Навруз присоединяется к каравану царевны

Решил Навруз: он двинется к хакану!
Пристал он, как скиталец, к каравану,

И, от всего мирского отрешась,
Благословлял он каждый день и час.

Ее стоянки место целовал он,
Весь путь ее слезами омывал он,

Весь прах он собирал с ее следов,
Всегда и всюду ей служить готов.

Как течь, он следовал за ней, незримой,
Он черпал силу з призраке любимой.

Гуль убегает ночью с Наврузом

Стемнело на китайских рубежах.
Приблизился к царевне юный шах.

А ночь была безмесячна, беззвездна,
И только молния сверкала грозно.

Дул ветер, гром гремел, кружился снег,
И дождь на землю совершил набег.

О господах забыв, бежали слуги,
Не думал брат о брате, друг о друге...

Решила Гуль с возлюбленным споим:
"Сменив одежду, ночью убежим.

Сперва Фархар мы за собой оставим,
Затем к Навшаду мы коней направим".

Царевна соблюдала свой обет,
И поцелуем был ее ответ.

Что ей Мушкина слава и бесславье, —
Забыла честь, и стыд, и добронравье!

Что ей престол отца? Его цена
Не стоит и ячменного зерна!

Она пошла на горе и скитанья,
Подняв любовь превыше мирозданья.

Скитания Гуль и Навруза

Страданьем и решимостью сильна,
С Наврузом вместе двинулась она.

Свернули путники с большой дороги,
К уступам горным привели их ноги.

Ни звезд, чтоб им сияли на пути,
Ни месяца, чтоб верный путь найти!

Река бурлит — ее переплывают,
Пожар горит — водой не заливают.

Так добрались они до тех высот,
Где на хребтах лежит небесный свод.

Они взбирались по крутым откосам,
Карабкались по скалам и утесам,

То возле туч и облаков ползли,
То падали на дно седьмой земли.

Так трое суток по горам скитались,
Одной водою ключевой питались...

Не страшен голод, если ты влюблен,
Про отдых забываешь и про сон.

Ни Гуль и Навруза притомились

Рубин и жемчуг сблизились, блистая,
Источник сил друг в друге обретая.

Так исхудали, в те попав места,
Что больше не смеялись их уста.

Они устали, не достигнув цели.
Их кони притомились, ослабели.

Они к утесу взобрались на грудь,
Решив хотя бы час передохнуть.

Вздремнули оба на глухом отроге.
Их плечи — рядом, и сплелись их ноги.

Скалил их сон, и сон для них нашел
С посудой скатерть и с едой котел.

Как вдруг судьба, ища коварства злого,
Над ними шутку подшутила снова.

Навруз и Гуль попадают в плен

Жил негр. Он кровожаден был, как барс,
Зол, как Сатурн, воинственен, как Марс.

Он кровь людскую пил — не мог напиться,
В огне горящем не сгорал убийца.

Так звали страшноглазого — Ялда[25].
Лицо — как день последнего суда.
Границы охранял он, вняв хакану,
Что молвил: .Взыскивать с тебя не стану,

Хотя б ты пролил крови океан!"
Страж действовал, как разрешил хакан.

На рубежах он возглавлял дозорных,
Таких же злобных и таких же черных.

Увидел он следы скитальцев двух,
Стал их искать, напряг он зренье, слух,

Нашел их, сладко спящих без тревоги,
И сразу же связал им руки, ноги.

Они проснулись, начали смотреть —
Увы, перепела попали в сеть!

Над ними — черноликий кровопийца,
Двуногих пожирающая птица!

Навруз привет смиренно произнес,
Хвалу злодею царский сын вознес.

А негр себя держал, как царь Китая,

Как тот, чье царство — вся юдоль земная!

Несчастные, чтоб не попасть в тюрьму,
Взмолились, как преступники, к нему.

Был злобен нечестивец, страж дороги,
Допрос влюбленным учинил он строгий.

Навруз отвечает негру

Поцеловал Навруз пред негром прах.
"Будь счастлив, — молвил, — в воинских трудах!

Мы -пленники, мы в плен попали в детстве,
Рабами став, познали много бедствий.

Хозяин притеснял и мучил нас,
Мы от него бежали в горький час.

Теперь мы, как рабы, тебе послушны.
Не дашь ли волю нам, великодушный?"

Но был к мольбам жестокосердый глух,
К хакану он отправил этих двух.

Был рад Навруз принять любые муки,
Но только не с возлюбленной в разлуке.

Гуль и Навруз прибывают к Хакану

Хакан мечтал о Гуль, не зная сна, —
И вдруг с Наврузом прибыла она.

Их руки связаны и слиплись груди —
Варенье так прилипло бы к посуде!

Увидев их, стал весел властелин:
Без них ему был тяжек миг один.

Но было в той стране обыкновенье,
Скорее — заповедь, вероученье:

В кумирню отводился тот слуга,
Чья служба властелину дорога.

Сначала он прислуживал кумирам,
Затем к хакану возвращался с миром.

Об их нлененье выслушав рассказ,
Хакан в кумирню их послал тотчас.

Увидел жрец два идола желанных —
Забыл о рукотворных истуканах,

Отрекся от кумира своего.
Когда нашел иное божество.

Он пренебрег безжизненной кумирней.
Стал поклоняться красоте надмирной...

Не в капище загубленный, молюсь, —
Как идолу, возлюбленной молюсь!

Ты не служи, язычник, истуканам,
А идолам с живым прелестным станом!

Смерть Хакана

Навруз и Гуль бежали от жреца,
Сокрылись два несчастных беглеца.

Узнали утром люди о потере:
Исчезла Гуль, прекрасная, как пери!

Искали десять дней — и не нашли.
Но, ярости боясь царя земли,

Гонцов послали с письменным докладом,
Бумагу напитав смертельным ядом.

Печальный свиток развернул хакан —
Упал, внезапным горем обуян.

Свернулся, словно свиток, царь державы,
Скончался от убийственной отравы.

Навруз и Гуль бегут из Китая

Китай внезапно треснул, как фарфор.
Распались на куски страна и двор.

Власть оказалась немощной и жалкой,
Стал меч в ее руках всего лишь палкой.

Забыл о человеке человек,
И каждый проклинал свой бренный век.

Тогда Навруз и Гуль возликовали
И, радостные, к господу воззвали:

"Ты тех караешь, чьи дела черны,
А мы чисты, за нами нет вины!"

Они бежать решили из Китая,
Удачей время смутное считая.

Гуль и Навруз в жилище дивов

Они блуждали в гное и в пыли.
Вот к озеру солёному пришли.

В нем — смоляного дома отраженье:
То дивов-хитрецов сооруженье.

Влюбленные, проделав трудный путь,
Решили в этом доме отдохнуть:

Один лишь вздох у них остался в челе!
Спустилась мгла — и дивы[26] прилетели,
Свиреполицы, чуждые добра,
Вкруг озера кружились до утра.

Но утром стало страшно черным дивам,
Когда явился муэдзин с призывом.

В смятенье стало скопище дрожать,
При имени творца бежало вспять.

Навруз и Гуль вступают в келью отшельника

Обитель непотребную покинув,
Пустились дальше дети властелинов.

Пришли они к обители Наджн —
Седого шейха, постника — ханжи.

Лишенный чести, Азазилю[27] равный,
Прислужник шейха встретил их злонравный.
Он взял их за руки и ввел их в дом,
Стал угощать едою и питьем —

Сырой водой с лепешкою ячменной,
Но пища показалась им отменной.

Не утолили голод, а злодей
Унес еду от алчущих людей,

Однако, разузнав у них сначала
О том, как тяжко их судьба терзала...

Шейх в келье от людских таился глаз,
Слуга поведал постнику рассказ.

Как только шейху стало все известно,
Решил: "Начну разгадывать чудесно!"

Предстал перед влюбленными бахвал,
О том, что с ними было, рассказал,

Мол, потому, что в келье он постится,
Есть у него блаженный дар провидца.

Бубня слова, исполненные лжи,
С них пояс и рубашку снял Наджи.

Увидев их тела без облаченья,
Старик разжег в себе огонь влеченья.

Л те, увидев шейха низкий нрав,
Проделки святости его поняв,

Сказали: "Это див. От божьей мести
Сокрылся он, с людьми живет он вместе.

Над дивами был властен Сулейман[28], —
Не превратил подобных в мусульман!
Да этот шейх, при помощи обмана,
Собьет с дороги самого шайтана[29]"
Гуль и Павруз, хоть приближалась ночь,
От нечестивца убежали прочь.

Гуль и Навруз в ладье

Пошли — на берег моря вышли вскоре.
В ладью уселись и пустились в море.

Гуль и Навруз — им равных нет нигде —
Как две жемчужины в морской воде!

То вал вздымает их, седой и пенный,
То падают они на дно геенны.

Пусть грянет вихрь — влюбленным все равно.
Что жизнь для них? Ячменное зерно!

Пусть землю всю зальет, бушуя, море —
Им, слившимся в одно, какое горе!

Любви благословенен произвол:
Она колодец превратит в престол![30]
Что путникам преграды и утраты,
Когда любовь — их преданный вожатый!

Влюбленному тоска любви милей,
Чем радость самого царя царей!..

Завидуя блаженному уделу,
Судьба склонилась вновь к дурному делу.

Судьба владеет запасным конем,
Мы от судьбы защиты не найдем!

Ладья распадается от удара волны

Сгустились тучи, громом громыхая,
И вспыхнула, как нефть, вода морская.

Потопа, мнилось, хлынула вода,
Как в страшный день последнего суда.

Разверзлись хляби моря, как могила,
Скажи: труба архангела трубила!

Гора вставала средь морского дна,
И гору Каф[31] затмила бы она.
Ладьи кружились там, мертвы, безмолвны,
О грудь утеса разбивались волны

...Вдруг их ладья распалась.
Смерть близка: Ведь от доски оторвалась доска!

Гуль и Навруз оказываются вдали друг от друга

Непрочная ладья разбилась в щепы.
Разъединил влюбленных вал свирепый.

Они схватили каждый по доске
И поплыли в отчаянье, В тоске.

А небу только этого и надо:
Сто тысяч зол таит одна услада!

Смотрите же, как свод небес жесток.
Тот на закат поплыл, та — на восток.

Не знала Гуль, где друг ее несчастный,
Не знал Навруз, что стало с Гуль прекрасной'

Царевну кормчий провиденья спас:
Ее к земле унес он в трудный час.

Гуль на берегу Адена

В те дни аденцы жемчуг добывали,
А их султан, охотясь без печали,

Велел Джавхару[32], что возглавил знать,
Добычею жемчужин управлять.
Бог пожелал, чтоб жителям
Адена Жемчужину дала морская пена.

Глядят — ее лицо луны светлей,
И день сияет от ее лучей,

Как мускусный цветок благоухает,
С растрепанных волос вода стекает.

И перлы уронил Джавхар из глаз.
Когда пред ним жемчужина зажглась.

Гуль рассказывает о себе Джавхару

Он ласково спросил: "Кто ты такая?
Кого нам пена принесла морская?"

"Я — дочь хакана, — был ее ответ, —
В китайском царстве родилась на снег.

Мы плыли по морю и веселились,
От наших берегов мы удалились.

Вдруг буря поднялась из глубины,
Мы поняли, что мы обречены.

Сломался якорь, парус оторвался,
И мало кто из нас в живых остался.

Отстала я средь моря от своих.
Вот все. Речей не ведаю других.

Но знать хочу: какая здесь держава?
Какой султан здесь правит величаво?"

Сказал Джавхар: .Китайская луна!
Аденом наша названа страна,

От нас Китая далека столица.
Почти что год в Китай дорога длится".

Затем одежды царские Джавхар
Принес царевне светозарной в дар,

Принес алмазы, кольца, ожерелья —
Пришла неделя пиршеств и веселья.

Гуль горюет о Наврузе

Но роза плачет о своей судьбе,
Рубаху разрывает на себе,

Наедине с собой она томится,
Трепещет, как подстреленная птица.

Увы, ей жизни опротивел вкус,
Все время вспоминается Навруз!

Так мучилась и так стонала пери,
Что птицы плакали и выли звери.

Решил Джавхар, исполненный добра:
В Аден, в столицу, двинуться пора!"

От моря два пути вели к Адену
И приводили к смерти либо к плену.

Пойдешь направо — там драконья пасть,
Налево — львы, ты к ним страшись попасть!

Застигнет верхового тьма ночная —
Погибнет он, пути не узнавая.

Чтоб от трудов привольно отдохнуть,
Избрал Джавхар окольный, дальний путь.

Но проводник с дороги сбился вскоре,
Львы появились, путникам на горе!

Был в ужасе Джавхар, метнул он взгляд,
Нельзя вперед пройти, нельзя — назад.

Гуль убивает львов

Рыканьем львиным все вокруг объято,
Дрожат кольчугоносцы, как котята.

Чтобы спастись, решили вырыть ров,
Но Гуль сказала им: "Не бойтесь львов!

Да будет неизвестна вам тревога,
И положитесь вы на волю бога!"

Явились львы, протяжно зарычав.
Гуль на коне помчалась к ним стремглав.

Двух или трех сразив одной стрелою,
Сравняла прочих с черною землею.

Воительницы испугались львы:
Легли пониже праха и травы.

Заметит лев-самец, что скачет конный, —
Бросает самку, страхом потрясенным.

Был восхищен Джавхар: он в первый раз
Такую видел смелость, меткий глаз.

Еще никто не видывал в Адене
Таких стрелков и по такой мишени!

Джавхар раньше других прибывает к султану Адена

Лишь к городской приблизились стене,
Сказал Джавхар пленительной луне:

"Я первым пред владыкою предстану,
А вы за мною следуйте к султану".

Вступил вельможа под высокий кров.
Спросил султан о ловле жемчугов.

Но знатный муж, склонясь перед владыкол,
Сперва поведал о розоволикой.

Джавхар описывает Гуль султану Адена

"Фагфура дочь, в Китае рождена,
Во всем являет царственность она.

Кто в мире с ней сравнится, совершенной?
Подобных ей не сыщешь во вселенной!"

Султан, и восхищен, и удивлен,
Уже заочно был в нее влюблен.

Велел ее приветствовать в Адене,
Все приготовил для увеселений,

По-новому велел убрать свой дом,
Чтоб дочь хакана не скучала и нем.

Он страстно ждал ее, как благодати
Он старым стал, а не имел дитяти.

Мечтал он о ребенке с давних лет,
Но тщетно: на снегу не виден след!

В его страну явилась Гуль нежданно
И стала, как дитя, ему желанна.

Султан Адена встречает Гуль

Султан царевне оказал почет,
Ей выехал навстречу из ворот.

Увидев издали царя Адена,
Гуль на коне приблизилась мгновенно

И спешилась, и все валились с ног,
Кто стройный стан ее увидеть мог.

Прошествовала, руки опуская,
Как госпожа, а не раба простая,

Склонилась пред султаном до земли,
Ее уста привет произнесли.

С ней поздоровался султан Адена,
Он тоже спешился пред ней смиренно.

Затем они вступили в царский дом,
Уселись, венценосные, вдвоем.

Явился кравчий, к пиру призывая,
И засверкала чаша круговая.

Рубаб[33], танбур и чанг звенели в лад,
Сердцам даруя множество услад.
Певец напев заводит вечно новый,
Все время сыплют шутки острословы,

Но тут же забывает их султан,
И гости пьяны, и хозяин пьян.

Едва хмельную чашу Гуль пригубит,

Она пьянит пирующих и губит.

Едва раздастся речь ее и смех,
Сознание теряется у всех.

Начнет рассказ — и ум такой проявит,
Что математика в тупик поставит!

Султан царевне отдал свой дворец,
Казну и перстень, пояс и венец;

Сокровища, рабов, престол свой древний
Он отдал, очарованный, царевне.

Гуль плачет в разлуке с Наврузом

Султан поднялся; поредела мгла,
Взошла заря, и Гуль к себе пошла.

Уединясь от посторонних, пери
Тотчас же заперла покрепче двери,

О землю стала биться головой,
И голос зарыдал ее живой.

Луна Фархара, всей земли отрада,
Звала в слезах Навруза из Навшала.

То наземь падала она, скорбя,
То камнем била но груди себя,

То грудь свою царапала, терзала,
То руки в исступлении кусала.

Испустит вздох — он ринется в зенит,
Он семь шатров небес воспламенит.

Заплачет — рыба под седьмой землею
Изжарится, обожжена слезою.

То Гуль кричит, судьбу свою клянет,
А то молчит, и сохнет алый рот.

Пускай она погибнет от недуга, —
К чему ей жизнь, когда не видно друга?

Где друг? Быть может, гибель он познал?
Она из ножен вынула кинжал.

Себя убить — вот все, что ей осталось,
К самой себе ей неизвестна жалость.

Но сердца вдруг услышала призыв:
"Остановись! Навруз, быть может, жив!

Спасенный, он мой след найдет, быть может..
О, как теперь Навруза горе гложет!

Погибнув, успокою душу я,
Но клятву милому нарушу я!

Когда умру я, что он будет делать?
Один, горюя, что он будет делать?

Страна Алена — мощная страна,
Среди народов славится она.

Здесь корабельщики приют находят,
Здесь тропы караванные проходят.

Убив себя, покинув этот свет,
Какой я дам любимому ответ?

Пет, я с уделом примирюсь тяжелым,
Печаль о милом станет мне престолом,

В друзья тоску и муку я возьму,
В наперсницы разлуку я возьму!

Я сердце укреплю таким решеньем,
Моя любовь мне будет утешеньем.

Развеселюсь и горе утаю,
Чтобы никто не видел боль мою".

В ней родилась выносливость мужская,

Она смеялась, боль свою скрывая.

Соскучится — охотится на птиц,
Но тайной смуте не было границ.

Навруз попадает к рыбаку

Когда, разъединившая влюбленных,
Затихла буря среди вод соленых,

Навруз поплыл, — то к солнцу на волне,
То с рыбами играл он в глубине.

Он изнемог, с водой жестокой споря.
Больной, бессильный вышел он из морл.

Он шел на грани моря и Земли,
Вдруг хижину увидел он вдали.

А то была обитель рыболова,
Бедняги одинокого, седого.

Войдя к себе, увидев гостя вдруг,
Тот старец рыбу выронил из рук.

От удивленья прикусил он палец:
Так был красив неведомый страдалец!

Изжарил рыбу на огне старик,
Навруз от запахов таких отвык.

Он ожил, старца увидав седого,
И, радостный, восславил всеблагого.

Навруз учит рыбака. Как поправить свои дела

Рыбак царя приветствовал, как Ной —
Помилованных бурною волной.

Навруз ответил — и своим рассказом
Привлек он сердце старика и разум.

Свой нищий дом с ним разделил рыбак,
Он жесткий постелил ему тюфяк.

Шли дни. Одной лишь рыбой царь ни
Был беден рыболов, во всем нуждался,

Никак нужду не мог он побороть,
Чапаном ветхим прикрывал он плоть.

Он исхудал, давно не видел плова,
И пожалел царевич рыболова.

Сказал: "О старец, терпишь ты нужду
Я заработок для тебя найду.

Ты в городе с друзьями побеседуй,
Ты обо мне кому-нибудь поведай.

Надеюсь я, поможет нам творец,
И ты нужду прогонишь наконец".

Смекнул старик, что бедности на гибель
Он даже большую получит прибыль.

Рыбак продает Навруза визирю Йемена

Пришел к визирю во дворец старик,
Открыл пред ним коварный свой язык:

"Мой раб Юсуф — есть чудо во вселенной:
Что перед ним Юсуф благословенный!"

Визирь слугу послал, без лишних слов,
Чтоб тот проверил, прав ли рыболов.

Пришел слуга, увидел, восхитился,
Немедленно с ответом воротился.

Визирь встречается с Наврузом

Визирь подробный выслушал рассказ
И молвил рыбаку: "Вот мой приказ:

"Юсуфа приведи ко мне, убогий!"
И появился у него в чертоге

Тот плавношествующий кипарис,
В котором разум с красотой слились.

Увидев управителя Йемена,
Навруз склонился перед ним смиренно.

Тот задрожал, па лик его взглянув:
Воистину то был второй Юсуф!

Павруза усадив па возвышенье,
Пред ним, как раб, застыл он в унижепье.

Велел он царский принести наряд —
Одежды, что алмазами горят.

Стал размышлять он трезво и спокойно:
"Такое чудо лишь царя достойно.

Хочу, чтоб сам султан ему внимал,
Я для таких сокровищ слишком мал!"

Визирь зовет царя Йемена к себе в дом

Он стал просить, чтобы в его обитель
Немедленно пожаловал властитель.

Царь принял просьбу; разбросал слуга
Перед своим владыкой жемчуга.

Пир начался; пошли по кругу чаши;
Стихи лились, один другого краше;

Певец явил вершину мастерства,
И музыка взвила его слова.

Горячим сделалось веселье пира. Сказал визирь:
"О повелитель мира,

Тень бога на земле, внемли, султан:
Врата в раю забыл закрыть Ризван[34],
И вот в мой дом из райского предела
Сегодня птица счастья прилетела,

Верней, такая милость мне дана,
Что светит благоденствия луна.

С таким слугою светозарна встреча,
Он сыплет жемчуг в царстве красноречия,

Он всех смущает в царстве красоты,
Им обладать достоин только ты!"

Царь Йемена беседует с Наврузом

И приказал султан, и пред султаном
Предстал царевич с кипарисным станом,

Склонился, словно раб, целуя прах,
Смущения румянец на щеках.

Взглянул на юношу султан Йемена,
Увидел: стать его благословенна,

Он — отпрыск шахов, славных на земле.
Свет Кай-Кобада[35] на его челе!
Вскочил султан как бы пред Кай-Кобадом,
Навруза усадил со знатью рядом,

Учтивый задал юноше вопрос,
И тот ответ учтивый произнес.

Он все поведал с самого начала,
С сердечной тайны сбросив покрывало.

Всех слушателей поразил, потряс
О горестных скитаниях рассказ.

Дворец визиря огласили стоны,
Йеменский царь застыл, ошеломленный.

Царь Йемена утешает Навруза

Воскликнул царь: "0 дивный кипарис,
Пред жребием назначенным смирись.

Увы, судьбы не отвратить удара,
Но встретишься ты с розою Фархара.

Осуществится, верю, ваш союз,
Поэтому ты не грусти, Навруз.

Йемен красив, он всех дорог начало,
Здесь даже пыль благоуханьем стала,

Земля его отраду нам дарит,
Вода его, чаруя, жизнь творит.

Ты здесь найдешь лужайки для веселья,
А для охоты здесь найдешь ущелья.

Здесь птиц полно, куда ни кинешь взор,
Закрыто утками лицо озер.

Полюбишь ты охотничью забаву,
Утешишься, потешишься на славу.

Я дам тебе ровесников и слуг.
Ты мне внемли, я твой отец и друг.

Тебе скажу я, не преувелича:
Жизнь коротка, в ней каждый день — добыча

Так надо наслаждаться каждым днем —
О завтрашнем не думай: все помрем.

А жизнь — предательница очень скоро
Условия нарушит договора".

Ответ Навруза

Навруз поднялся, осиян добром,
Сказал, целуя землю пред царем:

"Для чужеземцев рай — твое жилище,
Любой султан перед тобой, как нищий.

Как может горевать и плакать тот,
Кто сопечальника в тебе найдет?

Как не прийти к успехам и удачам
С твоим, о царь, сочувствием горячим?

Кто счастлив — есть поверье с давних дней, —
Тот делает счастливыми друзей.

Твоим великодушьем осененный,
Я буду исполнять твои законы.

Твой жалкий раб, на твой приду я зов,
Не раб, а собеседник царских псов!"

Царь Йемена осыпает Навруза благодеяниями

Царь, соблюдая доброты обычай,
Пожаловал Наврузу тьму отличий.

Дал землю во владенье, войско, стяг,
Казну без счета, сотни всяких благ,

Престол, шатер, украшенный богато,
Одежду знатных из шелков и злата.

Он бекам приказал — столпам страны;
"Вы юноше теперь подчинены!"

И чернь и знать с приветом и поклоном
Предстали пред Наврузом благосклонным.

Он месяц прожил в радости большой,
К Йемену привязавшись всей душой.

Он выезжал с весельем на охоту,
Прогнав из сердца смуту и заботу.

Царь Йемена посылает Навруза во главе войска на Аден

Адена властелин, султан седой,
Пылал к царю йеменскому враждой.

Когда в Аден явилась Гуль нежданно,
Возвысилось величие султана.

Его отряды, жителям на страх.
Сплотились на йеменских рубежах.

Собрал он рать, лазутчиков поставил,
Большую силу на Йемен отправил.

Йеменский царь, Аденом устрашен,
Смутился, потерял покой и сон.

Он у Навруза попросил совета.
Всю ночь проговорил с ним до рассвета.

Навруз придумал способ, как собрать
И быстро к бою приготовить рать.

Счастливый царь созвал свои отряды,
Вооружась, расставил он засады,

Пошел он, предвкушая торжество,
С Наврузом — сыном дома своего.

Нарвуз отдает власть над войском Бахраму

В Йемене заменитый был воитель
По имени Бахрам-кровопролитель.

Завидовал царевичу Бахрам,
Сказал он, глуп и гнусен, и упрям:

"Ты кто такой? Да мы тебя проучим,
Эй, карлик, не соперничай с могучим!

Нет, не тебе Йеменом управлять,
Нет, не тебе с Аденом воевать!

Друг друга эти две страны достойны,
Меж ними часто происходят войны!"

Сказал Навруз: "Раба ты не кори,
О богатырь, затмивший свет зари!

Реди народ, иди стезею смелой,
То дело, что ты хочешь делать, делай!

Тебе ни в чем не стану я мешать,
Иди, готовь к войне страну и рать".

Не знал Бахрам, что Гуль в бою какль вида,
Он должен был с Наврузом согласиться.

Гуль идет в дозор

А львица Гуль сама пошла в дозор.
На рать Йемена пал царевны взор.

Определила: слаб ее вожатый,
Ни опытом, ни знаньем не богатый.

Увидела, узнала, поняла,
Вернулась радостна и весела.

Обдуманно и в срок чудесно краткий
Построила военные порядки.

Когда, сверкая, запылал восход,
От ржавчины очистив небосвод,

Рассеялся туман, то стало явным,
Что целый мир наполнен войском сланным.

Гремят литавры, грозен бранный стан,
И палочки лобзают барабан.

Труба и рог, коней ретивых ржанье
В сердца вселяют трепет и дрожанье.

И даже Марс, застигнутый врасплох,
От богатырских голосов оглох.

Бахрам в растерянности; Навруз, рассердившись, останавливает войско Йемена

Затрепетал Бахрам, глупец надменный,
Когда увидел этот строй военный.

Бойцов своих возглавить не сумел,
Вперед, на бой, отправить не сумел.

Бегут бойцы к противнику спиною,
Не кличет их Бахрам идти войною.

В душе Навруза пробудился гнев.
Кольчугу богатырскую надев,

Он встал, бегущим преградил дорогу,
Вселил надежду, прекратил тревогу.

Он укрепил отряд передовой,
Построил войско, стал его главой.

Бахрам, устыдившись, вызывает противника на единоборство

Кровопроливец, красный от смущенья,
В себе нашел решимость для сраженья.

На поле боя стал кружить Бахрам,
Единоборство предложил врагам.

Но не нашлось богатыря в Адене,
Который жаждал бы таких борений.

Тут раздалась воительницы речь:
"Ужели стал тупым ваш острый меч?

Ужели здесь мужчины не найдется,
Который поборол бы полководца?*

Ответствовали беки той страны:
"Мы грозному Бахраму не равны:

Коня помчит — сто всадников раздавит,
Рассердится — сто тысяч обезглавит".

Сказала Гуль: "Вы говорите вздор.
Бояться бой начать с врагом — позор.

Я понимаю: страшен бой с драконом, —
Но можно ль трепетать пред этим конным?

Для всех закон единый должен быть:
Отважным сын мужчины должен быть!"

Гуль принимает вызов Бахрама

Коня ударив плетью, глянув гневно,
На поединок двинулась царевна,

Опасней вихря, пламенней огня,
Вонзила стремя в быстрого коня.

Был поражен Бахрам, одетый в латы.
Сказал: "Всех войскоборцев превзошла ты,

С аденцами не схожа ты ни в чем,
Владеешь, словно тюрок, ты мечом!

Хочу я, чтоб себя ты пожалела.
Не то твоя душа уйдет из тела.

Ты поцелуй, отбросив хвастовство,
Копыта вороного моего".

Сказала Гуль: "Да помолчи, бедняга!
Коль ты отважен, где твоя отвага?

Коль ты мужчина, силу покажи,
Чтоб не смеялись над тобой мужи!"

Смерть Бахрама

Бахрам из ножен вынул меч могучий.
Закрылся лик щитом, как месяц тучей.

Удар нанес он по ее броне —
Гуль покачнулась на своем коне.

Был шлем пробит, и на две половины
Кольчуга разлетелась в миг единый.

Тогда ответный нанесла удар
Красавица, чья родина Фархар,

Ударила она по кровопийце,
И Марс вознес хвалу ее деснице.

Был на две части рассечен Бахрам.
Страх, трепет пробежали по рядам.

Помчалась Гуль, йеменцам крикнув слово:
Пошлите нам противника другого!"

Нарвуз и Гуль, сражаясь, узнают друг друга

Йеменцы онемели, оробев.
Навруз в сраженье ринулся, как лев.

Коня помчал он с гневом и величьем,
Всю землю оглушил он громким кличем.

Царевне этот голос был знаком —
И Гуль упала с лошади ничком.

А вслед за ней упал Навруз отважный, —
Такой издал он крик и стон протяжный,

Что воинов двух ратей он потряс:
Вот что случилось за короткий час!

Со всех сторон примчались верховые,
Прервав на время схватки боевые.

Глядят — два сердца раненых лежат,
Два страстью отуманенных лежат!

Облив их розовой водою, разом
Вернули двум влюбленным жизнь а разум,

То Гуль пьяна, царевичем дыша,
То розою пьяна его душа.

Два верных сердца встретились нежданно,
Два друга обнялись, как два платана.

Война внезапно кончилась тогда,
Между царями кончилась вражда.

Ушла война-и сблизились два царства,
Ни страха не осталось, ни коварства.

Йеменский царь примиряется с царем аденским, и они с Гуль и Наврузом отправляются к Каабе

Рафи, йеменский царь, звезда владык,
Бади, аденский царь, месяцелик,

Тогда приблизились друг к другу с миром
И примиренье завершили пиром.

Прошла разлуки ночь, исчезла мгла,
Заря свиданья радостно взошла.

Все, что темнело, озаренным стало,
Все, что увяло, вновь зеленым стало.

Мир засиял Ирема красотой.
Ручьи шумели райскою водой.

Звенели птицы, и цветы пестрели,
Слагали соловьи свои газели.

Нежданно, средь цветения земли,
Паломничества сроки подошли.

Увидев; что владыки примирились,
Павруз и Гуль тотчас договорились

Отправиться в благословенный храм,
И богомольцы облеклись в ихрам[36].
Но царь Йемена и султан Адена
Их полюбили так самозабвенно,

Что с ними не расстались — вчетвером

Пустились в путь, овеянный добром.

Что было с Мушкином, когда Гуль убежала

Мушкин услышал, что с Наврузом вместе
Гуль убежала по дороге чести.

Сперва он гневался на беглецов.
Но все обдумал и в конце концов

Поставил повсеместно царь дозорных,
К Фарруху он послал гонцов проворных.

Так весть пришла к Фарруху во дворец.
Царь сбросил в горе пояс и венец,

Он зарыдал, судьбою сломлен злою,
Посыпал голову свою землею.

Мушкин отправил пб морю суда,
Землепроходцев снарядил тогда,

Чтобы, расспрашивая, узнавая,
Весь мир от края обошли до края.

Но не было о беглецах вестей,
Как видно, двое сгинуло детей.

Познали два царя удел жестокий.
Вдруг подошли паломничества сроки.

Отправились к Каабе два отца —
Надежду потерявшие сердца.

А воины царевича с уныньем
Скитались по морям и по пустыням,

К Каабе направлялись каждый год,
Печально совершая свой обход.

Случилось так, что вновь, тоской палимы,
В тот год пришли к Каабе пилигримы.

Гуль и Навруз находят в Мекке своих отцов

Гуль и Навруз без горя и тревог
Молились, возглашая: "Славен бог!"

Вдруг видят старцев, чистых и беззлобных,
Двух страждущих, двух ангелоподобных.

Один взывает: "О творец благой,
Не дай увянуть розе молодой!

Вот этому рабу яви ты милость,
О бог, чтоб дочь с отцом соединилась!"

Другой рыдает: "О благой творец,
Ты — сущего начало и конец!

Не ты ль отъединил отца от сына?
Свяжи меня с Наврузом воедино!"

Гуль и Навруз, творца благодаря,
Узнали в каждом страждущем царя,

Они своих родителей узнали,
Освободили сердце от печали.

Гуль соединяют с Нарвузом

Гуль и Навруза сочетал господь:
Как бы с душой соединилась плоть,

Лань оказалась в сильных львиных лапах,
Зефир развеял розы сладкий запах,

Изрезал розы лепестки алмаз,
Пчела в пыльцу цветочную впилась,

Гранильщик смело принялся за дело,
Жемчужину он просверлил умело.

Открылось устье дивного ларца,
Посыпались рубины без конца.

Из горла рыбы потекли кораллы,
Явили перлы цвет кроваво алый.

Познала счастье юная чета.
Сплелись их ноги и слились уста.

Играли два влюбленных богомольца,
Срывая с пальцев друг у друга кольца.

Одной приятен хмель и сахар губ,
Другому персик поцелуя люб.

Вдруг, испугавшись: это сновиденье! —
Не веря, что пришло соединенье,

Они, тоскуя друг о друге вновь,
Друг другу жизнь дарили и любовь...

Всего милее жемчуг водолазу:
За жемчуг жизнь отдать готов он сразу.

Тому, кто чист, всего милей заря, —
И встали, господа благодаря.

Четыре царя спорят о Гуль и Наврузе

Четыре царства прославлялись в мире, —
К ним каравана двинулись четыре.

Сказал Бади: "Не то что весь Аден,
А душу я отдам за Гуль взамен!"

Сказал Рафи: "Душе подвластно тело —
Наврузу я принадлежу всецело.

Не нужен без Навруза мне дворец,
К чему же без Навруза мне венец?"

"Цари! — Мушкин воскликнул благородный, —
Все ваши препирательства бесплодны.

Я жизнь прожить без дочери смогу ль?
И сможет ли Навруз прожить без Гуль?"

Предложение царя Фарруха

Сказал Фаррух: "Придем к согласью скоро,
Но сбросить надо нам одежду спора.

Друзья, есть слово у меня одно,
Быть может, вам понравится оно.

Мы дружбу между странами упрочим,
Одну из них назначив средоточием!

Душе отрадно в середине быть,
А не блуждать иль на чужбине быть.

Как только враждовать мы перестанем,
Единство станет нашим достояньем.

Известно, что весной хорош Навшад,
Он создан для веселий и услад.

Известно, что Фархар прекрасен летом,
Как бы осыпан дивным райским цветом.

Йемен, каким бы ни был он сухим,
Мы все-таки с чистилищем сравним!

Там людям хорошо порой осенней,
Там проживем без всяких опасений.

Зато Аден пленителен зимой,
Его сравню я с райскою страной:

Кругом снега, а там — садов цветенье,
В коврах луга и всюду наслажденье".

Гуль и Навруз посещают четыре царства

На тех словах закончился совет.
С тех пор народ избавился от бед.

Навруз и Гуль, с родителями вместе,
Явив свой добрый нрав и благочестье,

Направились, веселые, в Навшад,
Где праздник шел два месяца подряд.

Так время спета и добра настало,
И вскоре летняя пора настала.

Пришла нора уехать в край другой,
Даруя людям радость и покой.

Навруз и Гуль с Мушкином, старым,
Навшад решили заменить Фархаром.

Помчались, наслаждения вкусив;
Их караван был пышен и красив.

Бульбуль стихи слагал им задушевно,
Зухра на чанге вторила напевно.

Мир ликовал, сиял небесный свод,
Повсюду благоденствовал народ.

Во всей вселенной прекратились войны.
Веселым днем сменялся день спокойный.

Гуль и Навруз, познав любовный хмель,
Гостями стали четырех земель.

Пришел к ним кравчий мира с чашей жизни,
Нет, люди не знавали краше жизни!

Веселья не смолкали голоса, —
Как следует, вращались небеса.

Но так как убивать им надлежало,
То обнажили острие кинжала —

Не стало властелинов четырех,
Остался без царей земной чертог.

Правление Навруза

Навруз, властитель радостный и правый,
Четыре унаследовал державы.

Любовь мудрейших пестунов мудрей:
Возвышенными делает людей.

Какая боль сильней любовной боли?
Таится смерть в одном ее уколе.

Но пусть, о боже, мучится стократ
Тот, кто любви мучениям не рад!

Любовь — учитель умный, друг правдивый,
Любовь — твой врачеватель прозорливый.

Когда Навруз, воспитанник любви,
Законы в мире утвердил свои, —

Он честность укрепил, возвысит нравы,
Открыл дороги истины и славы.

Простер он власть на запад и восток,
Событий упорядочил поток.

С Китая дань взимал судьбы избранник,
Хотанский хан служил ему как данник,

Узбек пред, ним распростирал ковер,
А кесарь приводил в порядок двор.

Он Рей[37] принудил, чтоб вносил он подать,
Фаранг заставил на себя работать.
Он благом зло стремился побороть, —

Вознаградил достойного господь...

О, сколько б ты ни претерпел, бедняга,
Ты не погибнешь, коть достоин блага!

Завершение книги

Да будет счастлив наш великий шах,
Как счастлив был Навруз в своих делах!

Пусть шах последует его примеру,
Пусть благо станет другом Искандеру[38].
Пусть успокоится его страна,
Сиянием добра озарена...

Когда слагал я это песнопенье
И двигало мой сказ воображенье,

Сокровищ столько было у меня —
А я их собирал, в душе храня, —

Что мог бы разбросать их повсеместно —
Ущерба не было б казне словесной!

Я горд сокровищницею — душой,
Сокровищницы не искал чужой.

Но было мне от шаха приказанье:
"Хочу любви услышать описанье,

Излей ты на бумагу перевод
С той песни, что в душе твоей живет".

Без пышности, по — тюркски, в час блаженный
Я в подлиннике сделал перемены.

Надеясь, что когда для знатоков
Раскроются сокровища стихов,

То эти люди вспомнят о влюбленном,

На труд одним лишь благом вдохновленном.

Певцов прошу я, чей напев крылат,
Что знают голосов могольских лад,

Не изменять слова по произволу,
Да будут чутки к моему глаголу...

Был восемьсот четырнадцатый год[39],
Когда восславил я любви приход.

Да будет повесть ясная по складу
Читающим и пишущим в усладу.

---

notes

Примечания

1

К. Маркси Ф. Энгельс, т. XVI, ч. I, стр. 444.

2

Хызр — сверхъестественное существо, созданное народным воображением. По легенде Хызр, испивший живой воды из источника в стране мрака, надежен бессмертием.

3

Хотан — область в Восточном Туркестане.

4

Рум — Византия и некоторые владения Малой Азии, Так в восточной поэзии называется вообще Запад.

5

Газель — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания.

6

Гуль — роза.

7

Хосрой — форма имени Хосрова Парвиза, иранского шаха из династии Сасанидов. Легенда о его любви к Ширин послужила основой для поэм Фирдоуси, Низами, Навои.

8

Фархар — мифический город, населенный красавицами и красавцами.

9

Бульбуль — соловей.

10

Джемшид — мифический царь Ирана, при котором люди жили, не зная болезней, старости и смерти. Феридун — мифический царь Ирана, олицетворяющий начало добра.

11

Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный. Зулейха — жена египетского сановника Пентефрия, пытавшаяся обольстить Иосифа.

12

Савсан — лилия.

13

Навшад — мифический город, населенный красавицами и красавцами.

14

Марьям — Мария, мать Христа, который почитался мусульманами как воскреситель мертвых.

15

Навруз — новый год, приходившийся на день весеннего равноденствия.

16

Бахман — растение со сморщенными некрасивыми корнями.

17

Иона — в Ветхом Завете герой религиозно-поучительной сказки, вошедшей в библейский Канон ("Книга Ионы"), о пребывании пророка в чреве кита.

18

Чанг — музыкальный инструмент, род цитры.

19

Зухра — название планеты Венеры. Планета па восточных миниатюрах изображается в виде женщины с бубном в руках.

20

Чапан — халат, вообще верхняя одежда.

21

Хатим — имя бедуина из племени Тай, прославленного легендарной щедростью.

22

Хакан — титул правителя у древних тюркских племен. Фагфур — так называли в мусульманских странах китайского императора (от этого слова произошло наше слово "фарфор").

23

Мушкин — "мускусный".

24

"Грудь уподобил он листве чинары" — листья чинары имеют глубокие зубцы.

25

Ялда — "темный".

26

Дивы (дэвы) — духи, иногда добрые, иногда злые. Муэдзин — служитель при мечети, возглашающий часы установленных молитв.

27

Азазиль — имя падшего ангела. Здесь — злодей.

28

Сулейман — библейский царь Соломон. По преданию, он повелевал не только всеми людьми, но и зверями и духами.

29

Шайтан — сатана.

30

Намек на легенду об Иосифе Прекрасном, который был шеи в колодец, во впоследствии стал правителем Египта.

31

Каф — мифическая гора, опоясывающая землю.

32

Джавхар — жемчуг.

33

Рубаб — струнный музыкальный инструмент. Танбур — трехструнный музыкальный инструмент.

34

Ризван — страж рая.

35

Кай-Кобад — иранский царь, основатель династии каянидов.

36

Ихрам — ритуальная одежда паломника.

37

Рей — древний иранский город. Здесь — Иран. Фаранг — здесь "Запад".

38

Искандер — тимурид, современник Лутфи.

39

От хиджры. По нашему летоисчислению 1412 — 1413 гг.